

ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

№2 (6)

2019

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№2 (6)

Москва, 2019

УДК 81'23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619-0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс] : электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 2 (6). – Электрон, текстовые дан. (3,3 МВ). – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области психолингвистики и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области психолингвистики и психологии, преподавателей, аспирантов и студентов.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
<http://www.psycholinguistic.ru>

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).
Архив номеров доступен
<http://www.psycholinguistic.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мышкин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН РФ (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Россия, Канада)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, член Российской психолингвистической ассоциации (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН РФ (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Бахтикиреева Улданай Максutowна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Вашунина Ирина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (город Чини, США)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Республика Беларусь)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Института дополнительного профессионального образования ДТиСЗН г. Москвы (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельско-хозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль, Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Тарасов Е.Ф., Головина Л.В. Понимание речевых
сообщений и принцип дополнительности 9

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

Романов А.А., Романова Л.А. Акты вербальной агрессии
в профессиональной коммуникации 24

Степанов В.Н. Провоцирование в рекламной продукции 45

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Григорьев А.А., Валужева Е.А., Григорьев Н.А., Карлин А.В.
Данные всемирного исследования взаимосвязи
ценностей, национальных IQ и социально-
экономических достижений стран 62

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЁНЫХ

Матвеев М.О. Соотношение речевых и когнитивных
процессов (на примере восприятия
креолизованных текстов) 89

Об авторах..... 104

Анонсы 106

Информация для авторов..... 116

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

<i>Tarasov E., Golovina L.</i> Understanding speech messages and the principle of complementarity	9
--	---

EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

<i>Romanov A., Romanova L.</i> Acts of verbal aggression in professional communication	24
---	----

<i>Stepanov V.</i> Provoking in advertising	45
---	----

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

<i>Grigorjev A., Valueva E., Grigorjev N., Karlin A.</i> World values survey data, national IQ and socio-economic achievements of countries	62
---	----

THE WORKS OF YOUNG RESEARCHERS

<i>Matveev M.</i> Correlation of speech and cognitive processes (on the example of creolized texts)	89
--	----

About Authors	104
----------------------------	-----

Announcements	106
----------------------------	-----

Information for Authors	116
--------------------------------------	-----

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ / CONCEPTUAL ISSUES OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Е.Ф. Тарасов

*доктор филологических наук, профессор,
зав. отделом психолингвистики
Института языкознания РАН
125 009, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1
г. Москва, Россия
E-mail: eft@mail.ru*

Л.В. Головина

*кандидат филологических наук, доцент,
кафедра немецкого языка
Московского государственного института
международных отношений (университет) МИД РФ
119 454, проспект Вернадского, д. 76,
г. Москва, Россия
E-mail: l.golovina@inno.mgimo.ru*

ПОНИМАНИЕ РЕЧЕВЫХ СООБЩЕНИЙ И ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ

Цель статьи – сформировать теоретические предпосылки для объяснения понимания речевых сообщений коммуникантами.

Содержание речевого сообщения конструируется из знаний каждого реципиента, ассоциируемых с телами языковых знаков, из которых состоит данное речевое сообщение. Различие таких знаний реципиентов неизбежно ведет созданию неидентичных содержаний одного и того же речевого сообщения. Для теоретического осмысления феномена неидентичности содержания целесообразно использовать принцип дополнительности Н. Бора. Согласно данному принципу, неидентичные содержания одного и того же текста могут трактоваться как дополнительные модели, не противоречащие, но дополняющие друг друга.

Теоретическое обоснование дополнительных моделей при исследовании проблемы неидентичности содержаний речевого сообщения можно найти в интегративно-эклетическом подходе к анализу психологической феноменологии, сформированного В.А. Янгусом.

Ключевые слова: речевое сообщение, принцип дополнительности, неидентичность текста, интегративно-эkleктический подход.

E. Tarasov, L. Golovina

UNDERSTANDING SPEECH MESSAGES AND THE PRINCIPLE OF COMPLEMENTARITY

The purpose of the article is to form theoretical prerequisites for explaining the understanding of speech messages by communicants.

The content of a speech message is constructed from the knowledge of each recipient associated with the bodies of language signs that make up this speech message. The difference of such knowledge of recipients inevitably leads to the creation of non-identical contents of the same speech message. For theoretical understanding of the phenomenon of non-identity of content it is advisable to use the principle of complementarity N. Bohr. According to this principle, non-identical contents of the same text can be interpreted as additional models that do not contradict but complement each other.

Theoretical substantiation of additional models in the study of the problem of non-identity of the contents of speech messages can be found in the integrative-eclectic approach to the analysis of psychological phenomenology, formed by V. A. Yanguis.

Keywords: speech message, complementarity principle, non-identity of the text, integrative-eclectic approach.

При формировании теоретических предпосылок объяснения понимания речевых сообщений коммуникантами можно исходить из общепринятого допущения, что субъекты коммуникации не идентично понимают одно и то же речевое сообщение. Происходит это, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, коммуниканты ассоциируют с каждой языковой единицей речевой цепи неидентичный объем знаний; во-вторых, коммуниканты обладают неидентичными знаниями о фрагменте реальной

действительности, отображаемой при помощи знаний, связанных с речевой цепью. Иначе говоря, каждый коммуникант обладает двумя видами знаний: знаниями о предметах своей культуры, о так называемых, культурных предметах – знаниями об их субстанции, функции и о знаковых свойствах. Эти знания формируются личностью в ходе присвоения своей этнической культуры. При помощи этих знаний, ассоциированных с телами языковых знаков, носители одной культуры формируют общность знаний об этнической культуре и самих носителях этой культуры. Носители современной этнической культуры, будучи частичными личностями, владеют, естественным образом, не всей культурой, а только теми фрагментами, которые позволяют им выжить в конкретной природной и социальной среде, наиболее точными и достаточными знаниями они обладают только в рамках своей профессии, где они к тому же владеют и наиболее точным терминологическим профессиональным языком.

Процесс понимания – это опознание предмета (чаще всего культурного предмета) на основе обследования характерных признаков предмета. Степень понимания зависит от количества обследуемых признаков: чем меньше признаков, необходимых для опознания предмета, тем лучше понимание [2; 4]. Уменьшение времени понимания предмета зависит от количества обследуемых признаков предмета, необходимых для его познания, индивидуально для каждого участника совместной деятельности (СД). Отсюда следует, что понимание одного и того же речевого сообщения не является полностью идентичным у каждого коммуниканта.

Проиллюстрируем этот тезис следующим примером.

В апреле 2019 г. в издании «Московский комсомолец» помещен материал о происшествии, случившемся с известным актером П., который

«со скандалом был высажен из самолета в городе Б [...]». Статья содержит изложение версий случившегося, т.е. версий понимания инцидента, содержание которого участниками и сторонними экспертами трактуется не идентично. Учитывая тот факт, что происшествие получает неидентичные этические оценки, публикаторы дают возможность излагать понимание инцидента актеру П., эксперту, представителю «Аэрофлота», а также дают свою подчеркнута отстраненную версию, пытаюсь описать все точки зрения на оппозитивное, по сути, общение непосредственных участников инцидента.

Анализируемая газетная заметка демонстрирует нам практику анализа реальных случаев оппозитивного общения в социуме: содержание и смысл актов речевого общения, в котором участники интеракции действуют в рамках своих представлений о целях и мотивах как средствах СД, о хронотопе и т.п. Такой мультипликативный подход к анализу содержания интеракций неизбежен, если учитывать наличие неидентичных представлений об акте речевого общения, которые формируются участниками социального взаимодействия. Исследователь речевого общения стоит перед выбором подхода к анализу объектной области: или вводить в объектную область сознание коммуникантов с их неидентичными образами ситуации речевого общения, или описывать и толковать понимание содержания речевых действий общающихся только с позиции исследователя как стороннего наблюдателя.

Проблема понимания реальной действительности (и речи, в том числе) является фундаментальной в теории познания. Наиболее последовательное решение эта проблема получила в теоретических представлениях о различных типах рациональности [7; 8].

В нашей статье мы пытаемся решить частную проблему научного познания – проблему понимания речевых сообщений, продуцируемых в

речевом общении, в котором участвуют не только несколько говорящих, но и, что самое главное для нашего анализа, несколько слушающих, стремящихся не только понять речь партнеров по совместной деятельности, но и построить на основе этого понимания свою собственную стратегию речевого регулирования действий партнеров. Проблема понимания одного и того же объекта разными реципиентами родилась не в лингвистике, где, казалось бы, она должна решаться в первую очередь, т.к. речевые практики дают возможность делать вывод, что речевые высказывания воспринимаются зачастую одновременно несколькими реципиентами. Но лингвистам такой объект исследования представляется слишком сложным и поэтому они изучают процесс понимания речи в не до конца отрефлексированной интроспекции, анализируя свой собственный процесс понимания исследуемых речевых сообщений и перенося сформированные выводы на всех профанных реципиентов.

В науке проблема несовпадения результатов анализа одного и того же объекта исследователями, вооруженными разными средствами познания, возникшая при описании сложных и несоразмерных обычной человеческой практике реальных явлений и ставшая известной как проблема двойственности пространственной организации вещества и его изучения, была решена Н. Бором при помощи принципа дополнительности. Этим принципом Н. Бор легитимировал подход к анализу сложных явлений путем построения теорий (моделей) не совпадающих, но дополняющих друг друга.

Идейным основанием для построения принципа дополнительности для Н. Бора послужили работы У. Джейма и С. Къркегора.

Необходимость в дополнительных моделях одного и того же объекта возникает, когда этот объект изучается при помощи разных познавательных средств (приборов). Такая ситуация часто возникает, например, в социологии, когда одно социальное явление исследуется разными научными коллективами, при помощи разных теорий и т. п.

Н.К. Денцин, назвавший этот подход к анализу социальных явлений триангуляцией, различает четыре ее формы: «1) триангуляцию данных, когда в рамках одного исследовательского проекта используются различные типы данных; 2) триангуляцию исследователей, когда в проекте принимают участие несколько исследователей; 3) теоретическую триангуляцию – использование с целью интерпретации данных нескольких подходов; 4) методологическую триангуляцию – использование при изучении какого-либо вопроса множества методов» [1, с. 487].

Формирование этого подхода может быть осмыслено в духе принципа дополнительности. Принцип дополнительности – это один из способов понять эффект влияния позиции исследователя на построение образа объекта анализа. В.С. Степин, исследовавший эту проблему в аспекте зависимости результата анализа от позиции исследователя, показал, что начиная с середины XX века в науке создаются регулятивы в соответствии с которыми «допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания [...]. В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности» [8, с. 623].

Может возникнуть вопрос о том, какое отношение имеет регулятив о множественности относительных истин об одной и той же реальной действительности к проблеме неидентичного понимания коммуникантами

содержания одного и того же речевого сообщения? Любое речевое сообщение допускает в определенных пределах индивидуальное понимание каждым реципиентом, вооруженным собственным уникальным сознанием, однако обладающим оптимальной общностью сознаний с субъектом речевого сообщения, позволяющей им понимать друг друга. Иначе говоря, сознание коммуникантов может быть понято как инструмент (прибор), уникальность которого обуславливает вариативность, а общность позволяет конструировать идентичность содержания одного и того же речевого сообщения.

Сознание как инструмент можно понимать следующим образом. Каждый реципиент, например в процессе зрительного восприятия, фиксирует на сетчатке своего глаза цветное пятно как сенсорный отклик глаза на внешний раздражитель, которым является воспринимаемый объект. Для опознания воспринимаемого объекта по цветовому пятну субъект восприятия вызывает из памяти перцептивный эталон, в качестве которого функционирует один из образов воспоминания, сформированный из прежнего образа восприятия. Образы восприятия в качестве перцептивных эталонов сформированы субъектом восприятия в ходе инкультурации при восприятии предметов своей этнической культуры. Таким образом, родная этническая культура послужила объектом восприятия и стала субстанцией для построения сознания каждого носителя, своя культура вооружила каждого члена этноса средствами познания реальной действительности: иначе говоря, носитель конкретной этнической культуры может познать только то в реальной действительности, что позволяет присвоенная им культура.

Следовательно, сознание носителя конкретной этнической культуры допустимо рассматривать как инструмент, единственно позволяющий ему воспринимать реальную действительность.

Так как сознание каждого человека является уникальным, хотя и в рамках своей этнической культуры, следует говорить об индивидуальном сознании как инструменте (приборе), допускающим построение образа мира только в пространстве дополнительных моделей.

Из этого допущения следует однозначный вывод, что при любом анализе содержания речевых высказываний необходимо учитывать факт неидентичного понимания этого содержания автором и реципиентом.

В связи с проблемой дополнительных моделей следует указать на работы В.А. Янчука, развивающего «Интегрально-эклeктический подход к анализу психологической феноменологии» [9, с.30-40; 10; 11].

В обобщенной форме центральная идея интегративно-эклeктического подхода состоит в обосновании движения в научном исследовании от одномерного рассмотрения истины к плюралистической логике и многомерной истине «Методологический фундамент интегративной эклeктики составляют понятия поливариативности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности» [11, с. 11].

В.С. Библер, основатель диалогичности и один из предшественников интегративно-эклeктического подхода, полагает, что «в современных условиях ни одна из логик не обладает прерогативой на абсолютную истину, и выход из этого положения в идеологической полифонии (и взаимопереходе) многих логик, многих всеобщих форм мышления» [3].

Интегративная эклeктика, развиваемая в наиболее сложной области знаний – в психологии человека – предлагает механизмы развития психологического знания: парадигмальное позиционирование,

интегративно-эkleктический диалог альтернативных традиций и критическое позиционирование [11, с. 11].

Для развития психологического знания в рамках обоснованных механизмов исследования В.А. Янчук предлагает принципы анализа: «Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование и связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов. Создание максимальной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на высокий уровень обобщений. Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условия раздвижения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка» [Там же].

Перенос интегративно-эkleктического подхода на анализ содержания речевых высказываний в рамках дополнительных моделей требует рефлексии исследователя над номенклатурой и содержанием действий участников совместной деятельности, организуемых в рамках речевого общения как процесса организации сотрудничества, т.к. содержание речевых действий, овнешняемых в речевых высказываниях – это прежде всего цели, задачи, мотивы, операции, орудия, условия совершения совместной активности, а также хронотоп и значения и смыслы речевых и неречевых действий.

Если для организации СД необходима общность цели (целей), на что указывал Б.Ф. Ломов, то общность мотивов сотрудников не является обязательной предпосылкой [6, с. 232].

Несовпадение мотивов коммуникантов – это причина неидентичного осмысления (не понимания, а именно осмысления), т.к. осмысление речевого сообщения – это операция соотнесения содержания речевого сообщения с мотивами коммуникантов. Постижение смысла позволяет ответить на вопросы: что нужно говорящему и какие выводы из активности говорящего следуют для слушающего?

Теперь попытаемся ответить на вопрос, о чем должна быть общность знаний у участников СД.

Не будет ошибкой утверждение, что, отвечая на этот вопрос, мы обозначаем задачи, подлежащие решению в ходе развертывания речевого общения, понимаемого как процесс организации СД.

Общность целей у участников СД – это прежде всего общность образа цели, т.е. общность объекта воздействия и общность результатов этого воздействия. В соответствии с образом результата согласованию подлежит набор задач, орудий и способов их использования: выбор орудий обусловлен субстанцией объекта и образом результата, с одной стороны, и физическими и социальными условиями развертывания той деятельности, которая застынет в форме продукта, результата воздействия на объект, с другой стороны.

Рассуждая о соотношении образа результата деятельности и ее продукта А.Н. Леонтьев утверждает, что «продукт, к которому [...] стремится деятельность, актуально еще не существует. Поэтому он может регулировать деятельность лишь в том случае, если представлен для субъекта в такой форме, которая позволяет сопоставить его с исходным материалом (предметом труда) и его промежуточными преобразованиями» [5, с. 94]. Из этой мысли А.Н. Леонтьева следует, что согласование образа результата и представления об исходном материале и его промежуточных

преобразованиях составляют содержание первых этапов речевых действий (речевого общения) при организации СД.

Кроме этого, согласованию подлежат операции (способы) выполнения действий со стороны каждого коммуниканта. Хотя операции совместных действий детерминированы физическими и социальными условиями, в рамках которых протекает СД, но эта детерминация осуществляется как процесс осознания проблемы этих ограничений и ее решения и, следовательно, выбор решения, принимаемый коммуникантами совместно, подлежит согласованию, т. к. может быть источником разногласий и непонимания.

Место и время осуществления СД, независимо от того навязаны ли они и выбраны добровольно, подлежат согласованию и, следовательно, обсуждению. Может возникнуть вопрос: какое отношение имеет анализ проблем, решаемых при организации СД, к обоснованию принципа анализа содержания диадического общения при помощи дополнительных моделей?

Обозначая задачи организации СД (цели, задачи, мотивы, операции, орудия и т.д.), мы пытаемся указать те точки разногласий/согласий, рефлексия над которыми позволяет фиксировать различия и общности в дополнительных моделях описания содержания диадического общения.

Иначе выражая эту мысль, можно утверждать, что структура СД задает схему анализа содержания дополнительных моделей. Более того, этот анализ опирается на следующие предпосылки: коммуниканты обладают общностью знаний, ассоциированных с телами языковых и неязыковых знаков (значения) и общностью знаний о санкционированных и несанкционированных целях (ценности и антиценности), достигаемых членами социума, которые придают однозначные смыслы речевым и неречевым действиям коммуникантов.

Выводы

Феноменология речевого общения обнаруживает неидентичное (в определенных пределах) понимание содержания речевых сообщений участниками процесса СД и речевого общения.

Предпосылкой любого знакового общения является оптимальная общность сознаний, позволяющая им ассоциировать с используемыми знаками квазиидентичные знания и конструировать квазиидентичные содержания.

Оптимальная для развертывания знаковой коммуникации общность сознаний коммуникантов формируется в ходе инкультурации и социализации.

Присвоение своей этнической культуры личностью специфицировано и лимитировано ролевым репертуаром личности и прежде всего ее профессиональной ролью, в рамках которой знания личности обладают предельной для конкретной культуры точностью.

Постнеклассический способ теоретизирования позволяет рассматривать сознание воспринимающего речь реципиента как прибор, обуславливающий понимание общего и специфического содержания речи партнера.

Интегративно-эклетический подход В.А. Янчука, обусловивший многомерность и поливариантность истины, легитимизовал принцип онтологического плюрализма и возможность понимания коммуникантами содержания одного и того же речевого высказывания при помощи дополнительных моделей, что предполагает конструирование содержания с позиции каждого коммуниканта.

Конструирование содержания речевого высказывания при помощи дополнительных моделей целесообразно ориентировать на систему целей, задач, мотивов, операций и орудий, достижение которых приводит к организации СД в процессе развертывания речевого общения.

Литература

1. *Аберкромби Н.* Социологический словарь: Пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер / Под. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство» Экономика», 2004. 620 с.
2. *Барabanщиков В.А.* Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006. 240 с.
3. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
4. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: в 2-х т. Т.1. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986. 320 с.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.
6. *Ломов Б.Ф.* Методологическое и теоретические проблемы психологии. М.: Изд-во «Наука», 1984. С.445.
7. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Миръ», 2009. 672 с.
8. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. 744 с.

9. Янчук В.А. Психология на рубеже третьего тысячелетия – поиски парадигмальных координат, способа теоретизирования и метода исследования // Адукацыя і выхаванне [Образование и воспитание]. 1999. № 8. С. 30-40.

10. Янчук В.А. Методология, теория и метод в социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. Мн.: Бестпринт. 2000. 416 с.

11. Янчук В.А. Интегративно-эклектический подход к анализу психологической феноменологии. Словарь-справочник. Мн. Академия последипломного образования. 2009. 48 с.

References

1. Aberkrombie N. Sociologicheskij slovar' [The Penguin Dictionary of Sociology]: Per. s angl. / N. Aberkrombie, S. Hill, B.S. Turner / Pod. red. S.A. Erofeeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ZAO «Izdatel'stvo» Jekonomika», 2004. 620 s.

2. Barabanshnikov V.A. Psihologija vosprijatija: Organizacija i razvitie perceptivnogo processa. M.: Kogito-Centr; Vysshaja shkola psihologii, 2006. 240 s.

3. Bibler V.S. Ot naukouchenija – k logike kul'tury: dva filosofskih vvedenija v dvadcat' pervyj vek. M.: Politizdat, 1991. 413 s.

4. Zaporozhec A.V. Izbrannye psihologicheskie trudy: V 2-h t. T.1. Psihicheskoe razvitie rebenka. M.: Pedagogika, 1986. 320 s.

5. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Kniga, 2012. 176 s.

6. Lomov B.F. Metodologicheskoe i teoreticheskie problemy psihologii. M.: Izd-vo «Nauka», 1984. S.445.

7. Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura: Kollektivnaja monografija / Otv. red. L.P. Kijashhenko i V.S. Stepin. SPb.: Izdatel'skij dom «Mir#», 2009. 672 s.

8. Stepin V.S. Teoreticheskoe znanie. M.: «Progress-Tradicija», 2000. 744 s.

9. Janchuk V.A. Psihologija na rubezhe tret'ego tysjacheletija – poiski paradigmal'nyh koordinat, sposoba teoretizirovanija i metoda issledovanija // Adukacija i vyhavanne. 1999. № 8. S. 30-40.

10. Janchuk V.A. Metodologija, teorija i metod v social'noj psihologii i personologii: integrativno-jeklekticheskij podhod. Mn.: Bestprint. 2000. 416 s.

11. Janchuk V.A. Integrativno-jeklekticheskij podhod k analizu psihologicheskoj fenomenologii. Slovar'-spravochnik. Mn. Akademija poslediplomnogo obrazovanija. 2009. 48 s.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ / EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

Романов А.А.

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры фундаментальной и
прикладной лингвистики
Тверского государственного университета
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Романова Л.А.

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка и
межкультурной коммуникации
Тверской государственной сельскохозяйственной академии
e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

АКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В работе предложена типология актов вербальной агрессии в профессиональном общении. Осуществлено разграничение вербальных конфликтных актов и вербальных бесконфликтных актов (или вербальные конструктивных актов) профессионального общения, которые в свою очередь подразделяются на соответствующие субакты.

Ключевые слова: вербальная агрессия, профессиональная коммуникация, агрессивный коммуникативный акт.

Romanov A.A., Romanova L.A.

ACTS OF VERBAL AGGRESSION IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The article presents a typology of verbal aggression acts in professional communication. Distinction is made between verbal conflict acts and verbal conflict-free acts (or verbal constructive acts) of professional communication, which, in turn, are divided into corresponding subacts.

Keywords: verbal aggression, professional communication, aggressive communicative act.

Коммуникативная значимость маркированности агрессивных речевых действий и особенно их функционально-семантического коммуникативного пространства включает в себя не только ряд параметров концептосферы агрессивного поведения говорящего субъекта в профессиональной сфере, но и затрагивает определенные сведения о самом агенте (кто говорит и в какой роли), о его партнере (кому говорят и в какой он роли, настроении, статусе), о порядке обмена речевыми действиями и речевой ситуации (когда говорят, зачем говорят, с какой целью и каким назначением говорят именно то, что говорят, и самое главное – где говорят, т.е. в какой момент и в каком месте профессионального взаимодействия). Коммуникативная значимость речевых действий важна при использовании их в агрессивном воздействии [подробнее см.: 8; 9; 11; 13; 14; 15; 16].

Формируя свою коммуникативную направленность (т.е. интенциональность как когнитивное свойство, способное познавать и направленное на необходимость познания и волю к познанию) речевого воздействия в конкретной вербальной форме (конструкции), говорящий

субъект стремится учитывать конкретного адресата как «информационный объект» [3, с. 69] для того, чтобы тот мог понять коммуникативную сущность направленных на него действий и ответить на нее соответствующей, по разумению адресата, реакцией. Отметим, кстати, что требование быть субъектом (субъективности) «приводит к необходимости рассматривать любой мир с точки зрения его когнитивных возможностей и делать это «глазами» субъекта данного мира [Там же, с. 70], ибо если нечто происходит, то обязательно найдется субъект, которому принадлежит эта активность с обязательным наличием внутренней мотивации к деятельности, причем причины ее не могут быть установлены только внешним образом.

Выражая коммуникативную интенцию (намеренная направленность на познание объекта, т.е. адресата), говорящий субъект обязан учитывать в согласованном, профессиональном взаимодействии «оценочное восприятие слушателя» [2, с. 69; см. также: 7], потому что в действительной реальности ритуального общения проявляется не «абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его существования, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [2, с. 96-97]. В этом социальном бытии взаимодействия важно учитывать, что «в речи человека отражается его социально-иерархический статус (ранг: «начальник - подчиненный», «учитель-ученик, «сильный - слабый», «независимый - зависимый») по отношению к слушателю» [4, с. 33; 5; 6].

Более того, экспериментальные исследования показали, что в речи человека хорошо различаются (как лингвистически, так и невербально) такие важные психологические черты личности как чувство собственного достоинства и чувство превосходства [подробнее: 5; 6]. При этом

выяснилось, что если чувство достоинства оценивается слушателями как весьма положительное свойство говорящего (даже более высоко, чем, например, доброжелательность), то чувство превосходства, наоборот, чаще всего - как негативное качество [4, с. 34]. Кроме того, было установлено, что «и чувство достоинства, и чувство превосходства основаны на высокой самооценке личности, что, в целом, может и не вызывать негативной реакции, если, разумеется, самооценка говорящего в глазах собеседника не слишком завышена (самоумнение)» [Там же].

Однако, как отмечает В.П. Морозов, «чувства достоинства и превосходства различаются по критерию отношения к другому, т. е. к партнеру по общению: если чувство собственного достоинства сочетается с уважительным отношением к другому, то чувство превосходства - с занижением, недооценкой личностных качеств коммуниканта, пренебрежительным к нему отношением (высокомерная снисходительность и т. п.)» [6, с. 48-63]. Естественно, что для любого человека, каков бы он не был по социальному статусу по отношению к говорящему, такая демонстрация превосходства «является унижительным и вызывает его соответствующую явную или скрытую реакцию протеста». Поэтому отношение говорящего к партнеру по общению, выраженное как вербальными, так и невербальными средствами, является для реципиента информацией особо важного значения [см.: 5; 6, с. 52].

Социально-событийный критерий речевого взаимодействия может быть положен в типологическое основание актов аффицированной (агрессивной) коммуникации, где в качестве эксплицитного показателя конкретного типа дискурсивного воздействия выступает суггестивная направленность вербальных действий на реализацию целевой программы воздействия. Напомним, что целевая программа воздействия в агрессивной

интеракции может охватывать как уровень вербального, так и невербального воздействия.

Поэтому суггестивная направленность аффицированных вербальных действий на какой-либо адресат как функциональный инструмент арсенала языковых средств и приемов, изменяющих установку личности (установку на излечение, на улучшение самочувствия, на изменение сложившихся отношений как в положении дел, так и между людьми и т.п.) и целостную установку личности (мировоззрение, веру, долг, обязанности, контроль, оценку и т.п.), может рассматриваться в качестве отправной точки в разбиении (построении типологии) эмотивного (аффицированного) интерактивного пространства, представленного на основе выделенных речеактовых глаголов, репрезентирующих множество коммуникативных актов деструктивной направленности или вербальной агрессии [11; 12; 13]. В первую очередь такое пространство целесообразно поделить на вербальные конфликтные акты и вербальные бесконфликтные акты или вербальные конструктивные акты, в которых осуществляются подобно выделенным изменения установок личности. Здесь уместно заметить, что изменения установок личности могут происходить не только у адресата как объекта воздействия, но и у самого инициативного агента (агрессора), который может использовать иную агрессивную конфигурацию вербального воздействия или может переходить в (или менять) другую типовую фреймовую конфигурацию агрессивного взаимодействия. Такой случай рассматривается как акт прагматической (иллокутивной) транспозиции и учитывается при анализе актов вербальной агрессии. Однако подробно в настоящей статье акты прагматической транспозиции не обсуждаются. Подробнее типы прагматической транспозиции описаны в авторских работах [7; 10; 17].

Взаимодействия между коммуникативными конфликтными актами деструктивной направленности удобнее представить в виде некоторого дерева зависимостей, в котором отношения между бинарными оппозициями можно проследить как сверху вниз, так и снизу вверх без какого-либо существенного изменения таких отношений. Дерево зависимостей конфликтных коммуникативных актов деструктивной направленности может быть представлено в следующем виде (Рис. 1):

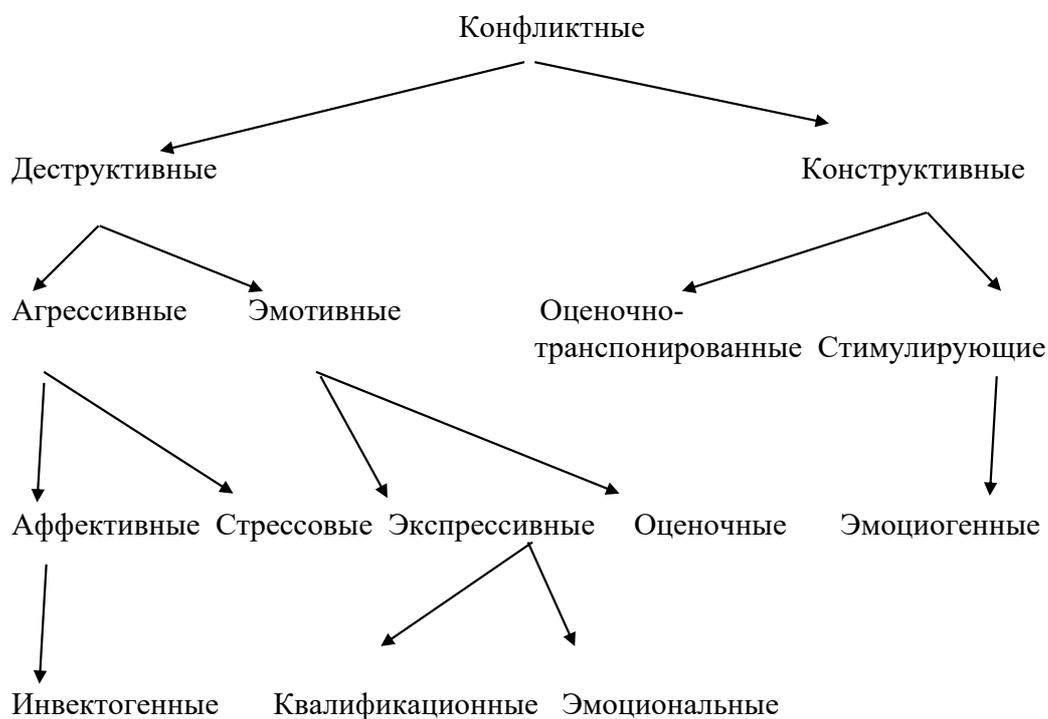

Рисунок 1. Схема зависимостей конфликтных коммуникативных актов деструктивной направленности

Узловые или вершинные коммуникативные акты деструктивной направленности подлежат в представленной типологии также разбиению на отдельные (конкретные) представители соответствующего типового узла (слота). Например, если опускаться вниз по узловой линии, то вербальные **конфликтные акты** подлежат разбиению на

деструктивные, а направление по противоположной линии приведет к разбиению на *конструктивные* конфликтные акты [16].

Функционально-содержательную (прагматическую) специфику суггестивной направленности *конструктивных аффицированных* действий можно представить, по К. Бремону [1, с. 116-125], в виде схематического представления комплекса коммуникативных действий между субъектом (как агентом) конфликтного конструктивного аффицированного действия и адресатом такого действия. В таком комплексе взаимных действий находит свое отражение *этапная реализация* совместного (с обоюдной заинтересованностью) устранения существующих (в том числе и субъективно-объективных) препятствий с целью эффективного (результативного) их преодоления и улучшения ситуации общения, которая обусловила (каузировала) применение *конструктивных аффицированных действий*. Сравните, например (Рис. 2):

Очевидно, что несмотря на применение конструктивных аффицированных действий бенефициарием (агентом, субъектом, т.е. лицом, которое в конечном итоге испытывает на себе улучшение от их использования) в данной типовой интеракции, в итоге инициатор (агент или субъект) и адресат (как объект воздействия) совместно переживают в положительном плане ситуацию улучшения положения дел, сложившегося до момента использования агентом таких вербальных действий. Например: «Что же это ты, *молодчик (сукин сын, разбойник, недотепа, неумеха)* опять столько брака допустил? К пяти часам всё устранить! – *Ладно, к пяти часам всё устраню*».

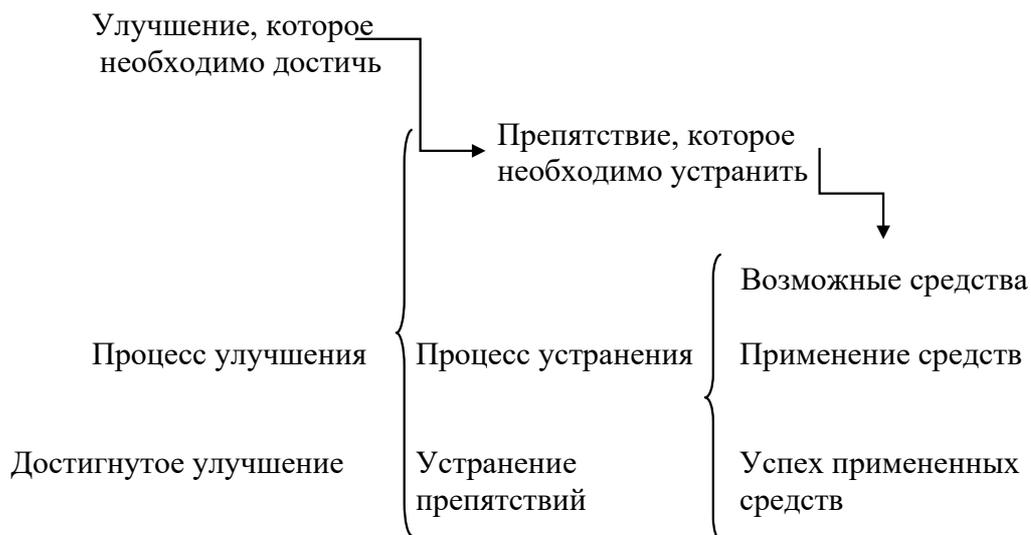

Рисунок 2. Схема этапной реализации совместного устранения коммуникантами препятствий общения

В этом плане узловое разбиение *конструктивных аффицированных актов* приводит к делению их на *оценочные* и *стимулирующие*. К числу типовых *оценочных аффицированных актов* относятся конфликтные коммуникативные акты стыда (в значении «стыдить», «пристыдить»), неодобрения, осуждения, оценки (как личности, так и форм ее поведения), сожаления, сравнения и др., в которых адресат не рассматривается как соперник, которого необходимо «устранить» с поля профессионального и коммуникативного взаимодействия. В этом плане говорящий только фиксирует неудачное, на его взгляд, положение дел, к которому причастен адресат и за которое несет также ответственность сам инициатор оценочной дискурсивной практики.

К разряду типовых *стимулирующих аффицированных актов* относятся следующие типовые конфликтные коммуникативные акты: критики, разбора (разбирательства), осуждения, признание вины, пародии,

шутки, потешки (потешаться без злобы, обиды и вреда), остроты, порицания, оппонирования, замечания, нагоняи, а также выговоры и др. В этом случае указанные дискурсивные практики фиксируют негативное положение дел, которое является определенной ступенью (отправной точкой) для дальнейших совместных согласованных действий по устранению имеющегося негативного эффекта. Кстати сказать, осознание такой негативной фактуальности и сопричастности к ней адресата служит для него объективным фактором критической оценки своей деятельности, которая (оценка) воспринимается как «справедливая», «объективная», «заслуженная» и не вызывает резкого протеста.

Примечательной особенностью функционирования данных коммуникативных актов можно считать их истинностное значение для говорящего и адресата, потому что использование как оценочных, так и стимулирующих аффицированных актов основано на возможной пресуппозиционной базе фактуальной природы таких актов. В частности, коммуникативные акты осуждения, критики, признания вины, шутки, порицания, оппонирования, замечания, выговора воспринимаются адресатом как акты, использование которых мотивировано фактуальным (или, возможно фактуальным) наличием объективной причины для их исполнения в профессиональной конверсации. Более того, использование этих актов в сфере профессиональных отношений может с достаточной определенностью эксплицировать уровень социальных отношений между собеседниками. Так, в частности, порицать, делать замечания и делать выговор может говорящий, чей социальный (или профессиональный) статус выше, чем у адресата. В то же время признавать вину, реагировать на критику и замечания может адресат, чей социальный (профессиональный) статус ниже. В свою очередь деструктивные аффицированные акты могут

подразделяться в функционально-семантическом плане на **агрессивные** и **эмотивные** коммуникативные акты.

Примечательно, что прагматическое предназначение деструктивных - как агрессивных, так и эмотивных - коммуникативных актов также можно свести к схематическому представлению поэтапного коммуникативного взаимодействия между субъектом (как агентом) конфликтного деструктивного аффицированного действия и адресатом как объектом такого воздействия по модели К. Бремона, в котором (взаимодействии) осуществляется этапная (пошаговая) реализация устранения собеседника (адресата воздействия) посредством нанесения вреда (зла, ущерба как морального, так и физического) с целью ухудшения ситуации (сложившегося или складывающегося положения дел) для адресата, чтобы сделать его неспособным чинить или продолжать в дальнейшем чинить препятствия инициативным начинаниям (замыслам, установкам) субъекта или агента (агрессора, инвектора) и пресечь (не допустить) противодействий со стороны адресата. При этом складывающееся положение дел в ситуации деструктивного взаимодействия как результата такого каузирования, такого применения агрессивных и эмотивных аффицированных действий должно быть «ощутимым» («значимым») для адресата как в эмоциональном, так и физиологическом плане, чтобы говорящий как инициатор мог хотя бы на определенное время нейтрализовать, приостановить (пусть и потенциальную) активность в противодействии своим намерениям со стороны адресата и даже заблокировать у него возможность (отбить охоту, желание) в совершении таких ответных действий. Например: *«Иди, баран, и поучись, как нужно работать на клавиатуре»*. Или: *«Прежде чем хайло разевать, не мешало бы изучить элементарные правила эксплуатации агрегата!»*. Также: *«Пока не*

сможешь клеммы соединять как нормальный человек, к аппарату не подходи!».

Узловое разбиение агрессивных **аффицированных коммуникативных актов** подразделяется на **аффективные** и **стрессовые коммуникативные акты**. Локальный вершинный слот аффективных коммуникативных актов в свою очередь разбивается на узловой **инвектогенные коммуникативные акты**, к числу которых относятся коммуникативные акты ругани, брани, унижения, уничижения, злословия, принуждения, изливание злобы (срывание злости), хулы, хамства, мата, сквернословия, наговора, очернения, обзывания, проклятия, кривосуда и др. В свою очередь слот стрессовых коммуникативных актов охватывает следующие коммуникативные акты: говорить дерзости, издевки, глумления, осмеивание, нападки, оскорбления, подстрекательства, уколы, придирки, презрения, срама и др. Поэтапное коммуникативное взаимодействие между собеседниками в семантическом пространстве деструктивных агрессивных и эмотивных коммуникативных актов схематично может быть также представлено в виде модели следующим образом (Рис. 3).

На схеме представлен интерактивный процесс аффицированного деструктивного взаимодействия участников коммуникации, в котором обозначена попытка находящегося под агрессивным вербальным воздействием адресата избежать ситуации нанесения вреда. Такая ситуация схожа с интерактивным обвинением ягненка волком в известной басне И.А. Крылова: *«Как смеешь, ты наглец, своим нечистым рылом здесь чистое мутить питье моё с песком и с илом? ... Досуг мне разбирать вины твои, щенок...»*, когда неудача в защите (ср. оправдания и доводы ягненка) заканчивается устранением противника и нанесением непоправимого вреда.

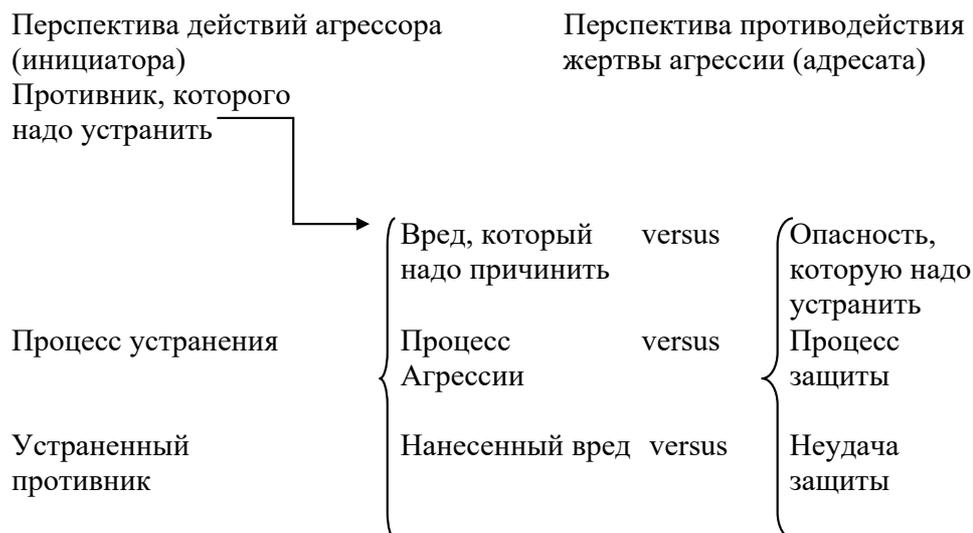

Рисунок 3. Схема поэтапного коммуникативного взаимодействия между собеседниками в семантическом пространстве деструктивных агрессивных и эмотивных коммуникативных актов

Заслуживает особого внимания взаимодействие участников профессиональной интеракции в ситуации, когда реализуются наиболее «грязные» вербальные проявления узла инвектогенных коммуникативных актов, а именно: актов откровенной брани, оскорбления, отборного мата, унижения, уничтожения, обзывания и т.п. Основным отличительным признаком прагматического использования таких инвектогенных коммуникативных актов можно считать специфическое поведение говорящего как инициатора инвективного воздействия (инвектора, агрессора), которое базируется на внезапном и необоснованном использовании указанных актов вербальной агрессии, чтобы стремительно, без подготовки и анализа буквально ошеломить своего собеседника, смять его, подавить волю, желание, настрой и выбить из продуктивного профессионального ритма своей деятельности. Причем, такая инвективная тактика агрессора, как правило, маскируется под какую-нибудь объективную причину (см. символ x_1 на схеме), которая может

скрываться (симулировать) под видом эмотивного нейтрального или даже обычного вербального (возможно, и авербального) симулякра, незначимого для данного момента действия или оценки (на схеме это представлено в виде символа y). Таким образом, происходит как бы невинный (замаскированный) обман, подмена истинных намерений агрессора и лишь затем происходит экспликация инвектогенной дискурсивной практики, ошеломляющее, подавляющее воздействие которой увеличивается ввиду неподготовленности адресата. Такая схема-модель инвективного взаимодействия представлена на рисунке 4:

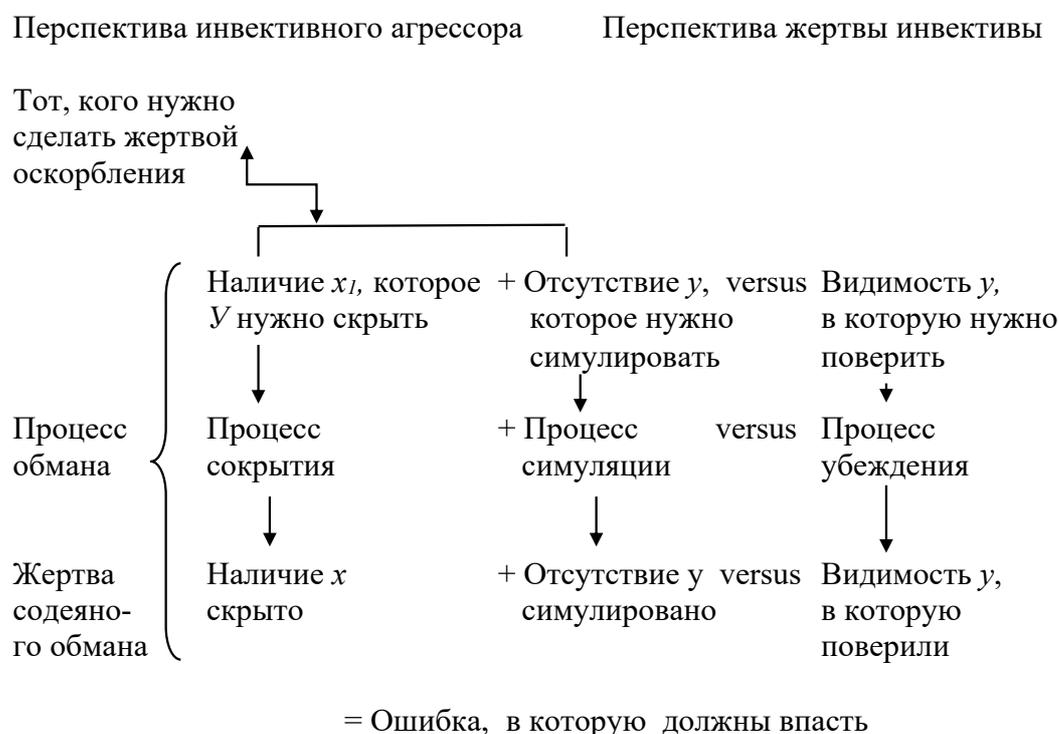

Рисунок 4. Схема-модель инвективного взаимодействия

Возможны случаи, когда интерактивный обмен инвективными дискурсивными практиками по каким - либо объективным причинам (ввиду публичности, например, или слишком громких, тяжелых или значимых, «ощутимых» последствий для агрессора) не может быть

реализован эксплицитно. В этой ситуации агрессивный инициатор прибегает к тактическому использованию дискурсивных практик обмана, чтобы заманить своего адресата-жертву в ловушку, в которой он совершит ошибку и тем самым поможет агрессору нанести себе ощутимый ущерб. Схематично такая ситуация может быть представлена в следующем виде (Рис. 5):

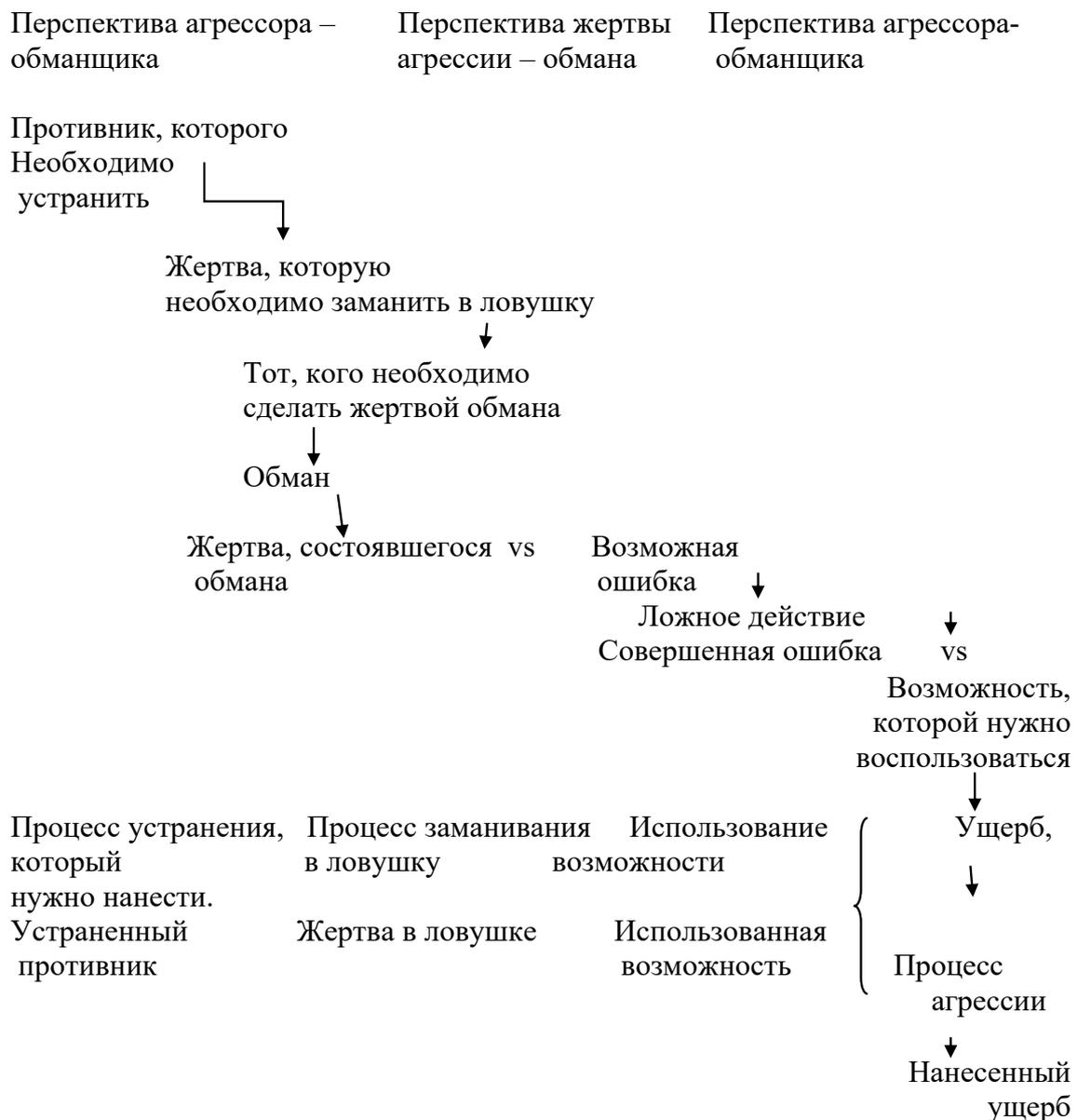

Рисунок 5. Схема модель функционирования дискурсивных практик обмана

Итак, отмеченные в профессиональной сфере акты конфликтных ситуаций вербальной интеракции подразделяются с точки зрения социально событийного взаимодействия, направленного на реализацию целевой программы агрессивного суггестивного воздействия, на два основных класса: класс деструктивных (деструктивов) и класс конструктивных (конструктивов) вербальных интеракций. В свою очередь эти классы подразделяются на определенные подклассы, которые также членятся на субклассы и конкретные их составляющие. Последние представляют собой вербальные агрессивные коммуникативные акты, подразделяющиеся на аффективные и стрессовые коммуникативные акты с последующим разбиением аффективных коммуникативных актов на узловую слот инвектогенных коммуникативных актов, в число которых входят коммуникативные акты ругани, брани, унижения, уничижения, злословия, принуждения, изливание злобы (срывание злости), хулы, хамства, мата, сквернословия, наговора, очернения, обзывания, проклятия, кривосуда и др. В свою очередь слот стрессовых коммуникативных актов охватывает такие коммуникативные акты, как: выражения дерзости (говорить дерзости), издевки, глумления, осмеивание, нападки, оскорбления, подстрекательства, уколы, придирки, презрения, срама и др.), в основе которых лежат определенные вербальные действия (аффицированные дискурсивные практики) различного характера и направления.

Взаимодействие участников профессиональной коммуникации по реализации конфликтных агрессивных практик может быть представлено в виде трех базовых схем (моделей):

а) модели конструктивного конфликтного взаимодействия, когда инициатор (агент, инвектор) и адресат стремятся посредством аффицированного (затронутого аффектом) общения улучшить в интересах

каждого сложившуюся (или складывающуюся в момент взаимодействия) ситуацию, в которой устраняются существующие (в том числе и субъективно-объективные) препятствия с целью эффективного (результативного) их преодоления;

б) модели деструктивного агрессивного воздействия, когда в интерактивном процессе аффицированного деструктивного воздействия представлена попытка находящегося под агрессивным вербальным воздействием адресата избежать ситуации нанесения ему вреда и воспрепятствовать его устранению как противника замыслов инициатора;

в) модели деструктивного инвектогенного воздействия, когда в ситуации производственного общения реализуются наиболее «грязные» вербальные практики актов откровенной брани, оскорбления, отборного мата, унижения, уничижения, обзывания с целью полного устранения собеседника (адресата) из продуктивной сферы производственного цикла; особенностью реализации такой агрессивной инвективной тактики агентом является маскировка агрессивных действий под видом нейтрального или даже обычного вербального или авербального симулякра, незначимого для данного момента эмотивного действия или оценки. Разновидностью этой модели можно считать ситуацию деструктивного инвектогенного воздействия, когда интерактивный обмен агрессивными дискурсивными практиками не может быть реализован эксплицитно по каким-либо объективным причинам, например ввиду явной публичности и откровенной провокационности со стороны агрессора или ввиду слишком громких, тяжких и значимых последствий для агрессора.

В основе каждой из предложенных схем деструктивного агрессивного взаимодействия лежит инвариантная модель вербального акта эмотивного

аффицированного воздействия, описанию конститuentов которого и посвящена следующая глава.

Литература

1. *Бремон К.* Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия: Современные зарубежные исследования. Сб. переводов. М.: Мир, 1972. С. 108–135.
2. *Волошинов В.Н.* Антропологистика. Избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. 255 с.
3. *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии. М.: Наука, 2010, № 10. С. 67– 80.
4. *Морозов П.М.* Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация. М.: Изд. ИПРАН, 1998. 85 с.
5. *Морозов В.П.* Язык эмоций в жизни и науке // Язык эмоций, мозг и компьютер: [Сб. ст. / Ред. Б. М. Васильев]. М.: Знание, 1989. С. 3–18.
6. *Морозов В.П.* Психологический портрет человека по невербальным особенностям его речи // Психологический журнал. 2001, № 6. С. 48–63.
7. *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: ИЯ АН СССР, 1988. 183 с.
8. *Романов А.А.* Управленческая коммуникация. Тверь: Центр подготовки персонала, 1996. 239 с.
9. *Романов А.А.* Организационная коммуникация: Социокультурные и психологические аспекты // Языковое пространство личности: Функционально-семантический и когнитивный аспекты. М., Тверь: ИЯ РАН; ТГСХА 2003. С. 3–9.
10. *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных

высказываний-просьб. М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. 153 с.

11. Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Мат. Междун. научн. - практ. конф. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 78–85.

12. Романов А.А., Малышева Е.В. Аффективный «заряд» тактильных действий в социальной интеракции // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2013, № 11. С. 33-41.

13. Романов А.А., Романова Л.А. Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации. Тверь: Тверск. госуд. ун-т, 2018. 292 с.

14. Романов А.А., Романова Л.А. Функционально-семантическое представление как регулятивный конструкт ментальной репрезентации туннельной локализации языкового знака // Организационная психолингвистика. М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. № 1 (1). С. 72-95.

15. Романов А.А., Ходырев А.А. Управление персоналом: Психология влияния. М., Тверь: Лилия, 2000. 216 с.

16. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. М.: Лилия, 2001. 218 с.

17. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты композитных перформативов в функциональной парадигме языка. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. 180 с.

References

1. Bremon K. Logika povestvovatel'nyh vozmozhnostej [Logic of narrative possibilities] // Semiotika i iskusstvometriya: Sovremennye zarubezhnye issledovaniya [Semiotics and art geometry: Modern foreign studies]. Sat. transfers. Moscow: Mir, 1972. Pp. 108-135.
2. Voloshinov, V.N. Antropolingvistika. Izbrannye trudy [Anthropoligists. Selected works]. M.: Labyrinth, 2010. 255 p.
3. Meskov V.S., Mamchenko A.A. Cikl transformacii kognitivnogo sub"ekta. Sub"ekt, sreda, kontent [The cycle of transformation of the cognitive subject. Subject, environment, content] // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. M.: Science, 2010, № 10. Pp. 67– 80.
4. Morozov P.M. Iskusstvo i nauka obshcheniya: Neverbal'naya kommunikaciya [Art and science of communication: Nonverbal communication]. M.: Ed. Ipran, 1998. 85 p.
5. Morozov V. P. YAzyk emocij v zhizni i nauke [Language of emotions in life and science] // YAzyk emocij, mozg i komp'yuter [Language of emotions, brain and computer]: [Sat. art. / Ed. B. M. Vasiliev]. M.: Knowledge, 1989. Pp. 3-18.
6. Morozov V.P. Psihologicheskij portret cheloveka po neverbal'nyh osobennostyam ego rechi [Psychological portrait of a person by nonverbal features of his speech] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2001, No. 6. Pp. 48-63.
7. Romanov A.A. Sistemnyj analiz regulyativnyh sredstv dialogicheskogo obshcheniya [System analysis of regulatory means of dialogical communication]. M.: IYA an USSR, 1988. 183 p.
8. Romanov A.A. Upravlencheskaya kommunikaciya [Management communication]. Tver: personnel training Center, 1996. 239 p.

9. Romanov A.A. Organizacionnaya kommunikaciya: Sociokul'turnye i psihologicheskie aspekty [Organizational communication: socio-cultural and psychological aspects] // YAzykovoe prostranstvo lichnosti: Funkcional'no-semanticheskij i kognitivnyj aspekty [Linguistic space of personality: Functional-semantic and cognitive aspects]. M., Tver: IYA RAS; TSKHA 2003. Pp. 3-9.

10. Romanov A.A. Semantika i pragmatika nemeckih performativnyh vyskazyvanij-pros'b [The semantics and pragmatics of performative statements-requests]. M.: Institute of linguistics RAS; Tver state agricultural Academy, 2005. 153 p.

11. Romanov A.A. Lingvoekologicheskij podhod k profilaktike verbal'noj agressii v professional'noj srede [Linguoecological approach to the prevention of verbal aggression in the professional environment] // Psihologiya upravleniya v sovremennoj Rossii: Teoriya, empiricheskie issledovaniya, praktika [Psychology of management in modern Russia: Theory, empirical research, practice]. Mat. Intern. scientific-prakt. conf. M.: Institute of psychology, RAS, 2010. Pp. 78-85.

12. Romanov A. A., Malysheva E. V. Affektivnyj «zaryad» taktil'nyh dejstvij v social'noj interakcii [Affective "charge" of tactile actions in social interaction] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika i psihologiya [Bulletin of Tver state University. Ser.: Pedagogy and psychology]. 2013, No. 11. Pp. 33-41.

13. Romanov A.A., Romanova L.A. Verbal'naya agressiya v professional'noj kommunikacii [Verbal aggression in professional communication]. Tver: Tversk. Unt., 2018. 292 p.

14. Romanov A.A., Romanova L.A. Funkcional'no-semanticheskoe predstavlenie kak regulativnyj konstrukt mental'noj reprezentacii tunnel'noj lokalizacii yazykovogo znaka [Functional-semantic representation as a regulatory construct of mental representation of tunnel localization of a language sign] //

Organizacionnaya psiholingvistika [Organizational psycholinguistics]. Moscow: "Agency of social and humanitarian technologies", 2018. No. 1 (1). Pp. 72-95.

15. Romanov A.A., Khodyrev A.A. Upravlenie personalom: Psihologiya vliyaniya [Personnel Management: psychology of influence]. M., Tver: Lilia, 2000. 216 p.

16. Romanov A. A., Khodyrev A. A. Upravlencheskaya ritorika [Managerial rhetoric]. M.: Lilia, 2001. 218 p.

17. Romanova L.A. Strukturno-semanticheskie aspekty kompozitnyh performativov v funkcional'noj paradigme yazyka [Structural and semantic aspects of composite performatives in the functional paradigm of language]. M.: Institute of linguistics RAS, 2009. 180 p.

В.Н. Степанов

*доктор филологических наук, профессор,
проректор по управлению знаниями,
заведующий кафедрой массовых коммуникаций
Международной академии бизнеса и новых технологий
150999, ул. Советская, д. 80,
г. Ярославль, Россия
e-mail: stepanov@mubint.ru*

ПРОВОЦИРОВАНИЕ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Автор рассматривает провокативный дискурс как особую разновидность интенционального дискурса и понимает под провоцированием заражение собеседника реальным или мнимым (умело имитируемым) интенциональным состоянием говорящего. Материалом для анализа послужили тексты массовой коммуникации, корпус исследования составили заголовки рекламных текстов прямой рассылки. Ученый выделяет две базовые провокативные жанровые стратегии – признания и заботы, в состав каждой из которых входят на правах опознаваемых элементов провокативные жанры признания, представления, сентенции, демонстратива, жалобы, професемы, совета, нотации, укора, провокативного вопроса. В данной статье представлено описание комплексных и элементарных провокативных жанров как неотъемлемой части коммуникативной компетенции современного специалиста в сфере массовой коммуникации.

Ключевые слова: Провоцирование, манипуляция, провокативный дискурс, провокативный жанр, провокативная стратегия

V. Stepanov

PROVOKING IN ADVERTISING

The author explores provocative genres of speech in texts of mass communication as a way of presenting pragmatic information, and considers characteristics of different provocative strategies, such as confession and care in modern media and advertisement texts. The research is based on the data of three contemporary European languages. Skills of provocation are described as a part

of communicative competence of mass communication specialists. The skills comprise not only knowledge and feeling of the “live material” of language in general, but also constant monitoring of sense dynamics in phrases, interconnections of verbal and visual codes in texts.

Keywords: provocation, manipulation, provocative discourse, provocative genres, genre-related strategies

Все многообразие информации, циркулирующей по каналам коммуникации, принято распределять по двум классам – с одной стороны, предметно-логическая (фактологическая) информация, а с другой стороны - информация прагматическая (оценочная, субъективная, связанная с ситуацией и участниками общения).

В качестве объекта исследования выбрана информация прагматическая, в основе которой лежит намерение подразумевания, скрытое намерение адресанта.

Предметом исследования являются особые, провокативные, речевые жанры, рассматриваемые в качестве инструментов представления прагматической информации, их система и типология.

Уточняя объект исследования, следует отметить, что нас интересовало провоцирование как элемент инфлюативной коммуникации, или инфлюации [8], и родовой механизм манипуляции. Под провоцированием в данной работе понимаются как правило неосознаваемые правило символические (речевые) действия, демонстрирующие реальное или искусно имитируемое психологическое (внутреннее) состояние адресанта и вызывающие аналогичное состояние у адресата.

Анализ текстов массовой коммуникации позволяет реконструировать базовые психологические механизмы и функции провоцирования.

Основу провоцирования составляет коммуникативная активность, предполагающая взаимодействие коммуникантов (провоканта и провоцируемого) и презентацию ими своего «внутреннего мира».

К функциям провоцирования относятся следующие:

1. регулятивно-коммуникативная функция проявляется во взаимной регуляции и коррекции поведения коммуникантов;
2. аффективно-коммуникативная функция определяет выражение и изменение эмоционального состояния адресата.

Психологическими механизмами провоцирования выступают следующие:

1. демонстрация и ретрансляция реального или имитируемого состояния провоцирующего;
2. локализация провокативного намерения адресанта в символической форме речевых знаков;
3. пермутация (Мельников 1969) интенционального состояния провоцируемого и вызывание (собственное провоцирование) в нем аналогичного демонстрируемому адресантом состояния.

Провоцирование носит интуитивный характер, опирается на прошлый социальный личный опыт человека (провоканта) и представляет собой поведение в соответствии с ментальной записью интериоризованных в процессе социализации действий, получивших символическую функцию и способность воплощаться в виде определённых лингвистических сущностей.

В соответствии с классификацией, предложенной Ю.Б. Гиппенрейтер [1], провоцирование следует отнести к классу вторичных автоматизмов, которые представляют собой умственные и речевые навыки, прошедшие через несколько стадий: первая стадия неосознаваемой установки, вторая стадия – собственно деятельностная с выходом на уровень осознания, а

третья стадия – утрата осознанности и приобретение статуса автоматизированного действия [Там же, с. 67-98].

Комплексное жанровое образование в совокупности элементарных и комплексных речевых жанров, выражающих провокативное намерение адресанта скорректировать интенциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нём продемонстрированное провоцирующее состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования, называется «провокативный дискурс» [12; 13].

Речевой жанр представляет собой типическую текстовую организацию, с помощью которой люди формируют (создают) и передают собственный жизненный опыт общения в данном языковом коллективе и воспринимают чужой опыт. Речевой жанр - единственная форма существования языка, основная единица усвоения языка и «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [9, с. 115]. Это основная форма речевого общения и организации индивидуального сознания, по мнению К.Ф. Седова, «речевое мышление имеет принципиально жанровую природу» [10, с. 41].

Речевые жанры в составе провокативного дискурса относятся в сфере не прямой коммуникации и называются провокативными жанрами. Эти речевые жанры в совокупности языковых, стилистических и коммуникативных признаков регулярно вызывают у реципиента прогнозируемые (желаемые) психологическую реакцию и психическое состояние, аналогичное демонстрируемому провокантом. Что позволяет предположить существование особого рода целей, соответствующих намерению п о д р а з у м е в а н и я у провоканта и репрезентирующих его внутреннее (эмоциональное) состояние, ретранслирующих его собеседнику и тем самым заражающих им адресата (провоцируемого),

оказывающих воздействие на его эмоциональную и когнитивную психические сферы. Содержанием провокативных жанров становится не прямое сообщение о реальном или имитируемом внутреннем состоянии говорящего. Обмен информацией при таком общении носит косвенный характер, рассчитан на эмоциональный отклик и обладает предсказуемым и даже программируемым коммуникативным эффектом.

Номенклатуру провокативных жанров составляют десять элементарных речевых жанров в составе двух базовых стратегий, имеющих, на наш взгляд, универсальный характер: первая стратегия – признание, вторая стратегия – забота.

Сообщение о внутреннем (интенциональном) состоянии провоканта с целью продемонстрировать психологическое состояние откровенности, исповедальности содержится в провокативной стратегии признания. Это акцентирование с ф е р ы а д р е с а н т а.

Комплексный характер провокативного жанра признания представлен в структуре элементарных провокативных жанров – признания, жалобы, сентенции, демонстратива, представления, професемы.

В качестве лингвистических признаков провокативного жанра признания следует указать на личные формы глагола в сочетании с реально присутствующими или подразумеваемыми местоимениями первого лица (я, мы).

Содержанием провокативного жанра признания является откровенное сообщение о внутреннем (интенциональном) состоянии провоканта, например:

- его эмоциональном состоянии (1):

(1) Валентин, мы Вас любим! 🍷🎁🍷 3-й товар в Вашем заказе

БЕСПЛАТНО! WILDBERRIES

- описании его действий (2):

(2) Готовим "Космический десерт" в ресторане "Мили"

- его намерении (3; 4; 5; 6; 7):

(3) Дарим дорогую книгу, торопитесь получить бесплатно!

ПРОФЕССИОНАЛЫ.RU

(4) Мы не шутим:) Скидка 20% на развлечения, рестораны и доставку еды. Biglion

(5) Валентин, мы дарим Вам 2000 рублей на шопинг! WILDBERRIES

(6) Вы же особенный! Дарим промокод на скидку до 50%. Lamoda

- этикетных ситуациях фатической коммуникации (7; 8):

(7) Извините, мы больше так не будем! Дарим Вам 1 000 рублей на покупки! WILDBERRIES

(8) Валентин, поздравляем! 🏆 Ваш VIP-СТАТУС подтверждён! (ср., «мы подтвердили») WILDBERRIES

Описание провокативной ситуации может быть конверсивным и тем самым акцентировать состояние и статус реципиента (8; 9):

(9) Валентин, Вы приглашены на закрытую распродажу! WILDBERRIES (ср., «мы Вас приглашаем»).

Следующий элементарный провокативный жанр - ж а л о б а. Этот жанр содержит сообщение о внутреннем состоянии провоканта, которое причиняет ему боль, вред, таит угрозу (10):

(10) Эта тяжесть в желудке никак не проходит. («Активиа»).

С помощью провокативного жанра с е н т е н ц и и выражается обобщенный (генерализованный) социальный опыт человека, утверждается универсальный характер этого опыта:

(11) Отдых доступен каждому! Убедитесь сами 🙌😄 Биглион

В демонстративе содержится указание на тот или иной компонент актуальной коммуникативной ситуации как результат или процесс восприятия говорящим:

(12) Это просто космос! Л'Этуаль

(13) Этой акции нет на сайте! -30% для подписчиков. Lamoda

(14) [это] Почти даром! СКИДКИ до 75%! Lamoda

(15) Она твоя! Скидка до 70% на кроссовки, кеды и ботинки! Lamoda

(16) [это] Почти чёрная пятница! 🛒 WILDBERRIES

(17) Валентин, [это] Ваш доступ к секретной распродаже! 😎 Только несколько часов! WILDBERRIES

(18) [это] Тот самый пинок 👉 и скидка 50% в этом письме. Biglion

(19) [это] Началось! 🏁 Космические дни на WB! 🚀

Наиболее типичными знаками-демонстративами являются слова, которые относятся к классу эгоцентрических и связаны с координатами «я – здесь – сейчас» [11, с. 386-387]: указательные местоимения это, то (12; 13; 18); личные местоимения «я», «мы», «ты», «вы», «он», «она», «они» (15); притяжательные местоимения; наречия времени и места «теперь», «тогда», «там», «здесь», «сегодня», «завтра»; артикли (в иностранных языках). Эти слова могут быть опущены и легко восстанавливаются из контекста (14; 16; 18; 19).

В рамках данной провокативной стратегии признания реализуется элементарный провокативный жанр представления¹, в котором провокант называет третье лицо (20; 22) или себя (21), указывая своё имя, фамилию и чаще всего свой социальный статус, при этом используются

¹ Отечественный лингвист А.В. Олянич для обозначения сходного явления в рамках презентационной теории дискурса использует понятие презентем-интродуктивов, которые вводят «индивида в группу себе подобных, способствуют его адаптации в этой группе» [7, с. 206].

личное местоимение (я), индикатив глагола «представить» или безличные конструкции (меня зовут), например:

(20) Valentin, ПРЕДСТАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЯ: лучшая в мире авиакомпания. TripAdvisor

(21) Я консультант «Faberlik» («Faberlik»)

(22) Представляем НОВУЮ Venus Passion® от «Gillette» (Venus. «Gillette»)

Професема является «смыслоопределяющей инвариантной единицей профетической коммуникации и способствует отождествлению, различению и разграничению форм репрезентации профетического смысла» [14, с. 11]. Професема как провокативный жанр содержит прогноз или предписание в отношении поведения человека в будущем и тем самым в определенной степени регламентирует поведение провоцируемого.

Предицируемые смыслы в професеме представлены имплицитно, неявно. Имплицитный характер каузирования и прескрипции в отношении поведения и действий провоцируемого в будущем может быть представлен в професеме в виде свернутой пропозиции, которая на внешнем уровне представлена с помощью прономинализации (23); генерализации (24), темпорализации (25), пресуппозиция (26):

(23) Валентин, с этими [‘если примете наши предложения’] предложениями вы сразу начнете собирать чемоданы. Booking.com

(24) Валентин, пора что-то менять [‘если нужно что-то поменять в жизни’], но не знаете с чего начать? Ответ в письме! Анна Матари

(25) Валентин, 14 марта [‘если придете 14 марта’] Вы узнаете задачи своей Души на открытой встрече! Анна Матари

(26) Действуй! [‘если поторопишься’] Ты успеешь за подарком в SUNLIGHT!

В провокативной стратегии заботы достаточно высокой провокативностью обладает одноименный речевой жанр заботы, это провокативный жанр, в котором говорящий акцентирует сферу адресата (контрагента), именно она выступает предметом речи в жанрах этой стратегии провокативного поведения.

Номенклатуру комплексного провокативного жанра заботы составляют следующие элементарные жанры: совет, вопрос, нотация, укор.

Элементарный провокативный жанр совета в составе провокативной стратегии заботы содержит доброжелательную рекомендацию адресату в отношении его поведения, отдельных поступков, действий или отношений с окружающими и внешним миром.

В пресуппозиции высказываний, относящихся к этому жанру, можно обнаружить указание на необязательность следования высказанной рекомендации, признание за адресатом права самостоятельно принимать решение. К общепринятым допущениям относится также то, что провокант, как представляется, абсолютно бескорыстно или по крайней мере без видимой выгоды для себя предлагает тот или иной совет (в этом отличие совета от, например, просьбы, высказывая которую, говорящий демонстрирует разную степень собственной заинтересованности в её результате, или приказа). В качестве отличительного лингвистического признака этого жанра можно указать на его преимущественно акциональный характер (27; 30; 31; 33; 34; 35) и использование глагольных форм императива (11; 28; 29; 32; 36; 41).

(27) Валентин, полетели в счастливое будущее! Анна Матарти

(28) Забирайте все! До 70% + до 40% дополнительно. Lamoda

(29) НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО! WILDBERRIES

(30) Ура, пятница 🍷🍹 Планируем выходные с выгодой до 90% 💰

Biglion

(31) Бегом за кроссовками со СКИДКОЙ до 60% 🛒 Lamoda

(32) Акции Глобус | Отзовитесь сердцем!

(33) [Счастливые отношения] Валентин, Вы еще успеваете присоединиться к нашей встрече! Анна Матари

(34) Только без паники! 🔥🔥 Ещё есть 4 часа! WILBERRIES

(35) Мужики, держитесь! 🙌🙌🙌 Скидка в помощь! WILBERRIES

(36) Repeat after me: C-L-E-A-R-A-N-C-E, low to \$3.99 Seasonal Clearance is ON! Newchic.com

Содержание элементарного провокативного жанра у к о р а – явно (38; 40) или неявно (37; 39) выраженная негативная оценка поведения или действий предмета речи:

(37) Hmm...No writing activity last week? Grammarly Insights

(38) А Серёжа проспал!.. WILDBERRIES

(39) Упс... Вы что-то забыли в корзине! SUNLIGHT

(40) Вы могли пропустить. LiveJournal

В форме в о п р о с а, в качестве провокативного жанра входящего в номенклатуру провокативной стратегии заботы, скрыто высказывание иного иллокутивного характера и, соответственно, другого коммуникативного содержания: приглашение к разговору, удивление, досада, ирония, жалоба, радость, сочувствие и т.д.

Вопросительная интонация в устной речи и соответствующий концевой пунктуационный знак в письменной, а также характерные вопросительные местоимения выступают в качестве лингвистических признаков данного жанра:

(41) Вам понравилось? Оставьте свой отзыв на товар! WILDBERRIES

(42) Не определились с выбором? Самое время. ТОМ TAILOR

(43) Мечтаете о МОРЕ? Осуществим ваши мечты! Санрайз Тур

(44) Любите секретные места и маршруты? 🗺️ S7 Airlines

(45) Feeling blue today? Our hot sale \$12.99 comfy flats have 10 colors.
Newchic.com

Нотация как один из элементов заботы представляет собой поучение, содержащее стремление говорящего обратить внимание адресата на в определенной степени эталонное (в рамках социума или отдельной ситуации) или желаемое поведение предмета речи (часто третьего лица) - конкретного (46; 50), неопределенного (49) или генерализованного (47; 48). В пресуппозиции высказываний этого вида скрыта негативная оценка предыдущих действий или всего поведения реципиента.

(46) WILDBERRIES начинает МОДНУЮ ПЕРЕЗАГРУЗКУ!

(47) Все обсуждают эти горячие новинки!🔥 WILDBERRIES

(48) 😲💬 Все только об этом и говорят!😲💬 WILDBERRIES

(49) Человек заработал 670,820 за месяц! ПРОФЕССИОНАЛЫ.RU

(50) ЛЕНТА рекомендует!👍

В «Кратком справочнике по русскому языку» лингвистический феномен конкуренции представлен на примере частного случая конкуренции видов, которая понимается как «использование соотносительных глаголов различных грамматических видов в одном и том же контексте, когда видовые различия не сказываются на общем смысле высказывания (виды нейтрализованы в данном контексте)» [2, с. 212]. Речь в данном случае идет о неизоморфном способе репрезентации типовой аспектуальной ситуации, например, параллельное использование равнозначно нормативных высказываний: «Мы изучили это произведение» (конкретно фактическое значение глагола совершенного вида) и «Мы уже изучали это произведение» (общефактическое значение глагола несовершенного вида).

Б.Ю. Норман в книге «Грамматика говорящего» рассматривает речевое явление «конкуренции партнёров по лексической сочетаемости», суть которого заключается в следующем: «различные по степени устойчивости сочетательные связи лексемы в процессе порождения текста взаимодействуют, конкурируют между собой» [6, с. 99-100]. Как пишет Б.Ю. Норман, «случается, что в спонтанной устной речи один из возможных лексических партнёров слова вытесняет другого (обычно более устойчивый – менее устойчивый); затем эта ошибка может обнаруживаться и корригироваться» [Там же, с. 100], как, например, в следующем отрывке: «Мы говорим / мы хотим подняться на Ай-Петри / и спуститься // Вы что! Это же не лето! Все доро... склоны размыты //...» [Там же, с. 91].

Как видно из приведённых примеров, под конкуренцией понимаются потенциальные или реальные явления контаминации гетерогенных языковых и речевых фактов в конкретной ситуации речи. Мы предлагаем посмотреть на явление конкуренции в несколько ином ракурсе, а именно: конкуренция как взаимодействие (в определённом смысле контаминация) коммуникативно и семантически неравнозначных с точки зрения порождения и восприятия целостного высказывания речевых жанров в едином пространстве речевого континуума и возникающие вследствие этого процессы интерференции типовой, обусловленной значениями собственно языковых знаков внешней речи и конситуативно обусловленной иллокутивной значимости элементарного речевого жанра и перлокутивной значимости комплексного жанра, а также смещение акцента при восприятии целостного речевого сообщения в сторону последней – перлокутивной значимости целого жанрового континуума, т.е. выявление определённого рода полевой организации в структуре имеющих в каждом комплексном провокативном жанре элементарных речевых жанров, репрезентирующих скрытые и явные коммуникативные

намерения говорящего [4]. Такое представление о конкуренции объясняется косвенным характером провокативных жанров, в соответствии с которым внешнеречевой и смысловой уровни их организации не совпадают, конкурируют.

Конкуренция провокативных жанров может проходить внутри провокативных стратегий (37) или между ими и быть обусловлена семантически (семантическая конкуренция) или позиционно (позиционная конкуренция). В случае семантической конкуренции благодаря семантическим трансформациям один жанр (на внешнем уровне) «скрывает» другой (на внутреннем уровне) и перлокутивный эффект формируется симультанно (37; 44). В случае позиционной конкуренции провокативные жанры выступают связаны контекстуально в паражанровое единство, перлокутивный эффект которого формируется сукцессивно (41; 42; 43; 45).

Рассмотренные в статье провокативные жанры, с одной стороны, способны вызывать предсказуемый и программируемый перлокутивный эффект, который имеет отчетливо выраженный регулярный характер (следствиями которого выступают прогнозируемость и программируемость провоцирования в целом). С другой – их набор и системная организация свидетельствуют об их очевидной конвенциональной природе, принадлежности к речевому узусу коммуникативной среды [5].

Форма непрямой коммуникации и в целом косвенный характер сообщений в этих жанрах, с одной стороны; их интенциональная природа и возникающая как результат интеракции сбалансированность интенциональных состояний коммуникантов, с другой стороны, свидетельствуют, с нашей точки зрения, о том, что провокативные интенции в принципе поддаются отслеживанию и вычленению в дискурсе,

они допускают диагностику и последующую нейтрализацию нежелательного провоцируемого состояния, в частности, в рамках психотерапевтического эффекта общения, и наоборот, манипулятивные технологии использования провокативных жанров в условиях массовой пропаганды.

Литература

1. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. М.: Че-Ро, Юрайт, 2003. 332 с.
2. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.
3. *Мельников Г.П.* Сущность предикации и способы её языкового выражения / Г.П. Мельников // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 116–125.
4. *Месечко А.В.* Конкуренция иллокутивных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрового состава речевой провокации в публичной речи / А.В. Месечко, В.Н. Степанов // Ярославский педагогический вестник. 2002. Вып. 1. С. 43–49.
5. *Мыскин С.В.* Организационно-психологический анализ профессионального сознания работников современных трудовых коллективов // Организационная психолингвистика. Вып. №1 (1). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2018. С. 21-38.
6. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994. 228 с.
7. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. М., 2007. 407 с.
8. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии

человечества) // История и психология / Под. ред. Б.Ф. Поршнева. М.: Наука, 1971. С. 7-35.

9. *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. 179 с.

10. *Седов К.Ф.* Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров. В: Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 40-51.

11. *Степанов Ю.С.* Язык и метод. К современной философии языка. М.: «Языки русской культуры», 1998. 784 с.

12. *Степанов В.Н.* Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса. М., 2005. С. 43-61.

13. *Степанов В.Н.* Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.

14. *Степанов В.Н.* Професема как инвариантная единица профетической коммуникации (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) / В.Н.Степанов, И.А.Борзова // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 7-13.

References

1. Gippenreiter Y.B. Vvedenie v obshchuyu psihologiyu [Introduction to General psychology]. М.: Che-Ro, Yurait, 2003. 332 p.

2. Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku [Short reference book on modern Russian language] / ed. P. A. Lekant. М.: Higher school, 1991. 383 p.

3. Melnikov G.P. Sushchnost' predikacii i sposoby eyo yazykovogo vyrazheniya [Essence of predication and ways of its linguistic expression] / G. p.

Melnikov // Invariantnye sintaksicheskie znacheniya i struktura predlozheniya [Invariant syntactic meanings and sentence structure]. Moscow: Science, 1969. Pp. 116-125.

4. Mesechko A.V. Konkurenciya illokutivnyh modal'nostej rechevyh aktov kak osoboe sredstvo harakteristiki zhanrovogo sostava rechevoj provokacii v publichnoj rechi [Competition of illocutionary modalities of speech acts as a special means of characterizing the genre composition of speech provocation in public speech] / A.V. Mesechko, V. N. Stepanov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. 2002. Vol. 1. Pp. 43-49.

5. Myskin S.V. Organizacionno-psihologicheskij analiz professional'nogo soznaniya rabotnikov sovremennyh trudovyh kollektivov [Organizational and psychological analysis of professional consciousness of workers of modern labor collectives] // Organizacionnaya psiholingvistika [Organizational psycholinguistics]. Vol. No. 1 (1). M.: LLC "Agency of social and humanitarian technologies", 2018. Pp. 21-38.

6. Norman B. Y. Grammatika govoryashchego [Grammar of the speaker]. SPb., 1994. 228 p.

7. Olyanich A.V. Prezentacionnaya teoriya diskursa [Presentation of the theory of discourse]. M., 2007. 407 p.

8. Porshnev B.F. Kontrsuggestiya i istoriya (Elementarnoe social'no-psihologicheskoe yavlenie i ego transformacii v razvitii chelovechestva) [Countersuggestion and history (Elementary socio-psychological phenomenon and its transformation in the development of mankind)] // Istoriya i psihologiya [History and psychology] / Under. edited by B. F. Porshnev. M.: Science, 1971. Pp. 7-35.

9. Sedov K.F. Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovej lichnosti: Psiho- i sociolingvisticheskie aspekty [Formation of discursive thinking of

linguistic personality: Psycho- and sociolinguistic aspects]. Saratov: SSU publishing House, 1999. 179 p.

10. Sedov K.F. Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevyh zhanrov. V: Zhanry rechi: Sbornik nauchnyh statej [Psycholinguistic aspects of the study of speech genres. In: Genres of speech: Collection of scientific articles]. Saratov: Publishing house Gosunts "College", 2002. Pp. 40-51.

11. Stepanov Yu.S. YAzyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka [Language and method. On the modern philosophy of language]. M.: "Languages of Russian culture", 1998. 784 p.

12. Stepanov V.N. Provokativnyj diskurs massovoj kommunikacii [Provocative discourse of mass communication] // Problemy psihologii diskursa [Problems of discourse psychology]. M., 2005. Pp. 43-61.

13. Stepanov V.N. Provocirovanie v social'noj i massovoj kommunikacii [Provocation in social and mass communication]. SPb.: Rose of the world, 2008. 268 p.

14. Stepanov V.N. Profesema kak invariantnaya edinica profeticheskoj kommunikacii (na materiale astrologicheskikh prognozov na anglijskom, russkom i ukrainskom yazykah) [Profesema as an invariant unit of prophetic communication (by the material of astrological forecasts in English, Russian and Ukrainian)] / V. N. Stepanov, I. A. Borzova // Inostrannye yazyki v vysshej shkole [Foreign languages in higher school]. 2017. No. 3 (42). Pp. 7-13.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ /
THE WORKS OF YOUNG RESEARCHERS**

Григорьев А.А.

*доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник лаборатории
психологии и психофизиологии творчества
Института психологии РАН,
129366, Ярославская ул., д. 13, к.1, г. Москва, Россия
e-mail: andrey4002775@yandex.ru*

Валуева Е.А.

*кандидат психологических наук,
научный сотрудник лаборатории
психологии и психофизиологии творчества
Института психологии РАН,
129366, Ярославская ул., д. 13, к.1, г. Москва, Россия
e-mail: ekval@mail.ru*

Григорьев Н.А.

*аспирант Института всеобщей истории РАН,
119334, Ленинский проспект, д. 32А, г. Москва, Россия
e-mail: nikolaj2002775@yandex.ru*

Карлин А.В.

*младший научный сотрудник лаборатории
психологии и психофизиологии творчества
Института психологии РАН,
129366, Ярославская ул., д. 13, к.1, г. Москва, Россия
e-mail: alfatols@gmail.com*

**ДАнные ВСЕМИРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ
ЦЕННОСТЕЙ, НАЦИОНАЛЬНЫХ IQ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ СТРАН ²**

В статье представлены результаты оценки информативности данных Всемирного обследования ценностей в отношении реально существующих

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-29-02244.

ценностей граждан обследованных стран при учете их уровня интеллекта (национального IQ). Данные Всемирного обследования ценностей анализировались на уровне двух «ключевых измерений»: «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания – ценности самовыражения», в анализ вошли данные пяти волн этого обследования, с первой по пятую. Национальные IQ были получены путем объединения данных психометрических измерений в странах мира с результатами международных исследований образовательных достижений. Индикаторами реально существующих ценностей выступали социально-экономические показатели (валовой внутренний продукт на душу населения, индекс публикационной активности, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, заболеваемость туберкулезом и общий показатель социально-экономических достижений), отражающие социальное поведение граждан страны. Используя регрессионный анализ, определялось, вносят ли «ключевые измерения» независимый от национального IQ вклад в предсказание социально-экономических показателей. Результаты показали, что, в то время как традиционные – секулярно-рациональные ценности не вносят независимого от интеллекта вклада в предсказание какого-либо из включенных в анализ социально-экономических показателей, ценности выживания – самовыражения вносят такой вклад в предсказание валового внутреннего продукта на душу населения, индекса публикационной активности, ожидаемой продолжительности жизни и общего показателя социально-экономических достижений.

Ключевые слова: ценности, национальный IQ, WVS, социально-экономические показатели.

Grigorjev A., Valueva E., Grigorjev N., Karlin A.

WORLD VALUES SURVEY DATA, NATIONAL IQ AND SOCIO-ECONOMIC ACHIEVEMENTS OF COUNTRIES

The article presents the results of evaluating the informativity of the World Values Survey data relative to the real values of citizens of the countries surveyed, taking into account their level of intelligence (national IQ). The data of the World Values Survey were analyzed at the level of two “key dimensions”: “traditional values - secular-rational values” and “survival values - self-expression values”, the analysis included data from the five waves of this survey, from the first to the fifth. National IQs were obtained by combining data from psychometric measurements in countries of the world with the results of international studies of educational attainments. Indicators of real values were socio-economic indicators (gross domestic product per capita, publication activity index, life expectancy, infant mortality, tuberculosis incidence and general indicator of socio-economic achievements), reflecting the social behavior of citizens of a country. Using a regression analysis, it was determined whether the “key measurements” do make an independent of the national IQ contribution to the prediction of socio-economic indicators. The results showed that while traditional - secular-rational values do not make an independent contribution to the prediction of any of the socio-economic indicators included in the analysis, survival values - self-expression make such a contribution to the prediction of gross domestic product per capita, publication activity index, life expectancy and general indicator of socio-economic achievements.

Keywords: values, national IQ, WVS, socio-economic indicators.

В интервью, данном журналу «Вопросы психолингвистики», Е.Ф. Тарасов указал на возможное расхождение ценностей «на уровне общественного сознания» и ценностей «на уровне индивидуального сознания», проиллюстрировав это следующим образом: «Например, всем известно, что дамам нужно уступать место в метро, но в реальности не все это делают. Хотя эта ценность на уровне общественного сознания сохраняется и постулируется, но реально она не существует» [1, с. 19].

Учет этого разграничения очень важен при анализе данных международных обследований ценностей. В какой мере эти данные отражают реальное поведение граждан данной страны, не имеем ли мы дело с декларируемыми, но реально не существующими ценностями? В некоторых случаях прояснить этот вопрос оказывается возможным путем сопоставления данных международных обследований ценностей с социально-экономическими показателями стран. Например, если в некоторой стране велик процент респондентов, гневно осуждающих взятки, а в то же время высок уровень коррупции, то можно констатировать – выявлена декларируемая, но не реально существующая ценность.

Представляется вполне вероятным, что данные одного и того же обследования будут в одних странах в большей мере отражать реально существующие ценности, чем в других. С другой стороны, можно оценить и то, в какой мере обследование в целом выявляет ценности на уровне индивидуального сознания, сопоставив его данные с показателями социально-экономического развития стран. Исследования, в которых делались подобные сопоставления, уже проводились. Приведем лишь некоторые примеры. В одном исследовании [7] были рассчитаны корреляции на множестве 20 стран двух измерений культуры Хофстеде – индивидуализма и дистанции власти – и двух измерений Шварца – автономии (аффективной и интеллектуальной) и консерватизма с рядом социально-экономических и демографических показателей (валовой национальный продукт (ВВП) на душу населения, продолжительность жизни и др.). Корреляции с некоторыми из этих показателей оказались значимыми. Так, корреляция индивидуализма, дистанции власти, автономии и консерватизма с ВВП на душу населения равнялись 0,69, -0,53,

0,59 и -0,49, соответственно, с рождаемостью (число родившихся на 1000 человек населения) -0,63, 0,54, -0,52 и 0,59, соответственно.

В другом исследовании [8] корреляция индивидуализма с ВВП на душу населения составила 0,605. Однако, при контроле качества государственного управления, она становилась практически нулевой.

Еще один пример: в переведенной на русский язык монографии Р. Инглхарта и К. Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития» сообщается корреляция индекса ценностей самовыражения в середине 1990-х гг. с душевым ВВП по паритету покупательной способности в ценах 1995 г., равная 0,86. [3, с. 220].

Можно ли заключить, что международные обследования ценностей выявляют, в той или иной мере, ценности индивидуального, а не только общественного сознания? Проблему для такого вывода составляет то, что в немалом числе исследований продемонстрирована связь показателей развития страны с другой переменной – уровнем интеллекта ее населения. Так, в монографии Р. Линна Т. Ванханена [9] перечислены 38 полученных в исследованиях по состоянию на 2012 г. коэффициентов корреляции интеллекта населения страны (национального IQ) с доходом на душу населения: они варьируют от 0,51 до 0,89. Так как преобладающие в обществе ценности бывают связаны с уровнем интеллекта населения, например, в одном исследовании [10] была получена корреляция индивидуализма-коллективизма с уровнем интеллекта населения, равная 0,51 (страны, население которых характеризуется высоким интеллектом, имеют более высокий уровень индивидуализма), а интеллект является фактором социально-экономических достижений, за связью последних с ценностями может стоять влияние интеллекта на оба эти показателя.

Поэтому особый интерес представляют исследования, в которых учитывались как оценки интеллекта населения, так и данные международных обследований ценностей. Так, в исследовании Г. Гилэйда [5] было показано, что две культурные ценности Шварца, интеллектуальная автономия и иерархия, вносят независимый от уровня интеллекта элитной группы населения вклад в предсказание патентной активности стран; кроме того, интеллектуальная автономия является модератором связи интеллекта элитной группы с патентной активностью. В другом исследовании [2] было составлено регрессионное уравнение для предсказания индекса Nature Index (количество публикаций в 82 ведущих научных журналах). Наряду с национальным IQ в него, в качестве предиктора, вошла аффективная автономия.

В еще одном таком исследовании [11] национальный IQ и индивидуализм были сопоставлены как факторы экономического развития. Если при предсказании ВВП на душу населения по одному индивидуализму нормированный квадрат корреляции составил 0,291, то при предсказании по индивидуализму и национальному IQ он вырос до 0,686. Чтобы проверить робастность результатов, в регрессионное уравнение добавлялись разные наборы из 9 контрольных переменных (доля населения, живущего в тропической зоне, доля населения европейского происхождения и т.д.). Во всех 512 регрессиях и индивидуализм, и национальный IQ были значимыми предикторами, однако робастность национального IQ была выше.

Как показывают результаты этих двух работ, данные двух международных обследований ценностей, Хофстеде и Шварца, оказались информативными в отношении реально существующих ценностей при учете интеллекта населения. Однако, нам неизвестны работы, в которых

это было бы показано для Всемирного обследования ценностей (WVS: World Value Surveys), всесторонняя оценка материалов которого представляется особенно важной, во-первых, в силу его масштабности и многократности проведения, а, во-вторых, в силу доступности его микроданных. Оценка связи его данных с экономическим показателем приводилась выше. Соответственно, задача настоящей работы – оценка того, в какой степени данные этого исследования показательны в отношении некоторых аспектов социального поведения граждан обследованных стран при учете их уровня интеллекта (национального IQ).

Основные сведения о WVS

К настоящему времени проведено шесть волн WVS, проводится седьмая. Первая волна проводилась в 1981-1984 гг., вторая – в 1990-1994 гг., третья – в 1995-1998 гг., четвертая – в 1999-2004 гг., пятая – в 2005-2009 гг. и шестая в 2010-2014 гг. Состав стран-участниц меняется от волны к волне.

Опрашиваемым предлагается опросник, в котором более двух сотен вопросов с предложенными вариантами ответов. Проходящий опрос должен выбрать тот вариант ответа, который в наибольшей степени верно, по его мнению, характеризует его мировоззрение. Как можно видеть, речь идет о декларируемых ценностях. Данные исследований, проводившихся с 1981 по 2005 гг., легли в основу монографии Р. Инглхарта и К. Вельцеля [3]. В ней был сделан ряд обобщений, осмыслений и выводов, выдвинуты и, по мнению авторов, доказаны некоторые гипотезы, созданы некоторые концепции и теории. Основные положения работы таковы: ценности меняются. Изменение ценностей происходит вследствие изменения социально-экономических условий жизни общества. Изменение ценностных установок приводит к изменению социально-политической

ситуации. Лейтмотивом человеческого развития является «расширение свободы выбора и личной независимости» (там же, с. 12). Авторы выделяют две ценностные оппозиции («ключевые измерения»): ценности выживания – ценности самовыражения; традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности.

Оценка того, насколько данные WVS информативны в отношении реально существующих ценностей, будет проведена в два этапа. На первом этапе будет оценена надежность этих данных. Для этого, во-первых, будут рассчитаны корреляции между данными разных волн WVS и, во-вторых, будет рассчитана пространственная автокорреляция данных WVS. На втором этапе будет проверено, вносят ли данные WVS значимый независимый от национального IQ вклад в предсказание социально-экономических показателей. Реально существующие ценности проявляются в социальном поведении людей. Социально-экономические показатели отражают это поведение. Поэтому, если данные WVS являются информативными относительно реально существующих ценностей, между ними и социально-экономическими показателями должно наблюдаться определенное соответствие. Как уже говорилось, это соответствие может быть не обусловленным действительной связью – его источником может быть связь как данных WVS, так и социально-экономических показателей с национальным IQ. Поэтому необходимо выявить именно независимый от него вклад данных WVS в социально-экономические показатели. В данном исследовании рассматривается пять социально-экономических показателей: ВВП на душу населения, индекс публикационной активности (ИПА), ожидаемая продолжительность жизни (ПЖ), младенческая смертность (МС) и заболеваемость туберкулезом (Т) (более подробное описание этих показателей см. в разделе «Метод»). ВВП на душу населения

является важным показателем развития экономики, за ним стоит много психологических черт граждан страны, особенностей их социального поведения: отношение к труду, к общему благу, законопослушность, способность к сотрудничеству и инновационной деятельности, временной горизонт личности и т.д. Можно ожидать, что подобные черты выявятся в данных международных исследований ценностей, в частности, в WVS. ИПА является показателем эффективности инновационной деятельности, а ценности рассматриваются как фактор успешности этой деятельности [см. напр., 6]. ПЖ, МС и Т являются, наряду с ВВП, показателями уровня жизни в стране, их связь с ценностями общества кажется очевидной, так что от данных такого масштабного исследования, как WVS, можно ожидать, что они окажутся информативными в отношении этих показателей.

Метод

Национальные IQ были получены путем объединения данных психометрических измерений интеллекта в странах мира с результатами международных исследований образовательных достижений.

Анализировались данные пяти волн WVS – с первой по пятую. В настоящем исследовании анализировались данные на уровне двух «ключевых измерений» (факторов, выделившихся в результате факторного анализа данных): «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» (в дальнейшем ТЦ) и «ценности выживания – ценности самовыражения» (в дальнейшем ЦВ). Источник данных: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. Одно значение (ЦВ Западной Германии в третьей волне) было исключено как отклоняющееся. Были рассчитаны единые значения для Германии путем усреднения данных Западной и Восточной Германии со взвешиванием численностями их

населения в 1990, 1995, 2000 и 2005 г. Данные пяти волн исследований усреднялись.

Национальные IQ и данные WVS выступали как предикторы. В качестве критериев использовались следующие показатели:

- валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности в текущих ценах в международных долларах за 2017 г. Источник:

<https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>

- индекс публикационной активности Nature Index: показатель, отражающий количество публикаций в наиболее престижных научных журналах в сфере естественных наук с учетом количества авторов с 01.06.17 по 31.05.18. Источник: natureindex.com

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении: число лет, которое новорожденный младенец проживет, если преобладающая во время его рождения картина смертности сохранится в течение всей его жизни (2017 г.). Источник: wdi.worldbank.org

Младенческая смертность: число младенцев, умерших до достижения одного года, на 1000 родившихся живыми в данном году (2017 г.). Источник: wdi.worldbank.org

Заболеваемость туберкулезом: число заболеваний туберкулезом, новых и рецидивов, на 100000 человек населения в данном году. Источник: wdi.worldbank.org

Общее число вошедших в анализ стран 96. Не по всем странам имелись значения всех показателей.

Результаты и обсуждение

Некоторые авторы используют в качестве показателя социально-экономических достижений страны, региона или района генеральный фактор, выделяющийся в факторном анализе ряда социально-экономических показателей [см., напр., 4]. Следуя им, мы также провели эксплораторный факторный анализ используемых нами пяти социально-экономических показателей. В результате применения метода главных компонент был выделен один фактор, объясняющий 67% дисперсии. Показатели КМО (0.75) и тест сферичности Бартлетта ($p < 0.001$) свидетельствуют об адекватности применения данного метода. В таблице 1 представлены факторные нагрузки переменных на выделенный фактор.

Таблица 1.

Нагрузки переменных на выделенный фактор

Переменная	Нагрузка
ВВП на душу населения	.862
ИПА	.700
ПЖ	.940
МС	-.861
Т	-.716

ВВП – валовой внутренний продукт на душу населения; ИПА – индекс публикационной активности; ПЖ – продолжительность жизни; МС – младенческая смертность; Т – заболеваемость туберкулезом.

Table 1.

Loadings of the variables on the extracted factor

Variable	Loading
GDP per capita	.862
PAI	.700
LE	.940

IM	-0.861
T	-0.716

GDP per capita – gross domestic product per capita; PAI – publication activity index; LE – life expectancy; IM – infant mortality; T – tuberculosis incidence.

Общий показатель социально-экономических достижений (СЭД) рассчитывался как сумма пяти переменных, взвешенных в соответствии с их факторными нагрузками. Полученный показатель будет использоваться в дальнейшем анализе.

Национальные IQ, значения двух ключевых измерений WVS и социально-экономических показателей приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Национальные IQ, значения измерений WVS и социально-экономических показателей

Страна	Национальный IQ	ТЦ	ЦВ	ВВП на душу населения	ИПА	ПЖ	МС	T	СЭД
Австралия	100,1	-0,10	1,62	50333,71	42,97	82	3	7	1,11
Австрия	98,9	0,24	1,12	49868,71	41,95	82	3	7	1,10
Азербайджан	85,0	-0,14	-1,38	17492,36	0,10	72	21	67	-0,50
Албания	83,9	0,30	-1,35	12506,65	0,08	78	8	20	0,02
Алжир	81,8	-1,48	-0,74	15237,20	0,06	76	21	70	-0,36
Андорра	98,2	0,80	1,62	-	0,00	-	3	2	-
Аргентина	91,4	-0,53	0,24	20875,76	2,07	77	9	26	0,06
Армения	93,3	0,55	-1,31	9455,94	3,54	75	11	36	-0,21
Бангладеш	75,5	-1,23	-1,02	4210,79	0,03	73	27	22	-1,03
Беларусь	97,0	0,83	-1,36	18930,85	0,87	74	3	37	-0,02
Бельгия	99,5	0,33	0,66	46553,07	30,12	81	3	9	0,91
Болгария	92,8	1,12	-1,27	21686,64	1,21	75	6	25	0,03
Босния и Герцеговина	93,3	0,22	-0,61	12723,74	0,33	77	5	27	0,02
Бразилия	87,4	-1,07	0,08	15602,54	1,31	76	13	44	-0,16
Буркина Фасо	55,0	-1,32	-0,49	1889,45	0,09	61	51	49	-1,65

Великобритания	99,3	0,05	1,26	44117,73	53,60	81	4	9	1,06
Венгрия	98,0	0,46	-1,03	29473,66	7,63	76	4	8	0,29
Венесуэла	87,2	-1,71	0,39	12113,54	0,06	75	26	42	-0,48
Вьетнам	95,2	-0,49	-0,02	6913,13	0,12	76	17	12	-0,51
Гана	68,2	-1,80	-0,17	4729,49	0,03	63	36	15	-1,48
Гватемала	65,0	-1,70	-0,17	8144,84	0,00	74	23	25	-0,48
Германия	99,1	1,34	0,58	50425,15	51,61	81	3	8	1,14
Гонконг	104,8	1,20	-0,98	61393,32	-	85	-	67	-
Греция	93,3	0,77	0,55	27737,03	6,39	81	4	5	0,48
Грузия	84,8	-0,04	-1,31	10747,05	0,76	73	10	86	-0,38
Дания	97,7	1,34	1,50	49883,03	63,50	81	4	5	1,21
Доминиканская Республика	81,5	-1,05	0,33	16944,15	0,00	74	25	45	-0,45
Египет	82,6	-1,65	-0,55	12670,76	0,13	72	19	13	-0,42
Замбия	74,2	-0,77	-0,62	3996,14	0,01	62	42	36	-2,05
Зимбабве	71,7	-1,50	-1,36	2282,65	0,04	62	37	22	-1,70
Израиль	95,2	0,26	0,36	36340,08	66,51	83	3	3	1,18
Индия	81,2	-0,48	-0,60	7182,80	0,69	69	32	20	-1,22
Индонезия	85,5	-0,77	-0,65	12377,49	0,03	69	21	31	-1,20
Иордания	85,8	-1,54	-1,01	12494,37	0,10	74	15	7	-0,25
Ирак	84,0	-0,40	-1,68	16953,89	0,02	70	25	42	-0,61
Иран	84,9	-1,31	-0,40	20199,59	1,20	76	13	14	-0,04
Ирландия	95,9	-0,98	0,92	75538,36	24,43	82	3	7	1,27
Исландия	98,3	0,24	1,19	51841,53	71,91	82	2	5	1,38
Испания	96,8	-0,10	0,24	38285,97	22,54	83	3	11	0,83
Италия	96,8	0,15	0,35	38140,34	16,53	83	3	7	0,79
Канада	100,7	-0,22	1,50	48265,25	39,71	82	5	6	1,03
Кипр	91,6	-0,56	0,13	37022,96	3,13	81	2	5	0,60
Китай	105,8	1,15	-1,11	16660,27	6,69	76	8	63	-0,05
Колумбия	84,5	-1,75	0,54	14485,30	0,34	75	13	33	-0,20
Корея, Республика (Южная)	103,6	0,98	-0,79	39433,78	24,64	83	3	70	0,75
Кыргызстан	80,2	-0,15	-0,91	3667,45	0,04	71	18	14	-0,82
Латвия	96,5	1,09	-0,92	27644,14	0,89	75	4	32	0,13
Литва	94,7	0,87	-1,03	32298,86	3,46	75	3	50	0,18

Люксембург	95,8	0,42	1,13	106373,78	29,39	83	2	6	1,75
Македония	87,4	0,22	-0,87	14914,25	0,40	76	12	13	-0,09
Малайзия	89,7	-0,73	0,09	29040,84	0,31	75	7	93	-0,04
Мали	70,0	-1,25	-0,08	2170,08	0,09	58	66	55	-2,05
Мальта	93,4	-1,53	-0,03	41944,78	7,50	82	6	11	0,66
Марокко	80,8	-1,48	-1,07	8566,85	0,08	76	20	99	-0,49
Мексика	87,1	-1,04	0,34	19902,78	0,60	77	12	22	-0,01
Молдова	89,5	0,43	-1,63	5660,67	0,29	72	13	95	-0,56
Нигерия	70,3	-1,58	-0,36	5929,20	0,00	54	65	219	-2,49
Нидерланды	100,6	0,76	1,56	53634,56	50,70	82	3	5	1,22
Новая Зеландия	99,3	0,10	1,82	38933,79	26,11	82	4	8	0,82
Норвегия	97,9	1,19	1,21	71830,88	34,70	83	2	5	1,37
Пакистан	83,0	-1,41	-0,89	5358,35	0,16	67	61	267	-1,96
Перу	83,4	-1,31	-0,08	13333,87	0,12	75	12	116	-0,36
Польша	96,1	-0,62	-0,36	29521,25	5,89	78	4	17	0,35
Португалия	94,9	-0,56	0,03	30416,50	12,91	81	3	20	0,56
Пуэрто-Рико	83,0	-2,04	0,97	37338,65	0,00	80	-	1	-
Россия	97,0	0,89	-1,62	27834,09	2,90	72	7	60	-0,09
Руанда	76,0	-1,57	-0,62	2079,88	0,01	67	29	57	-1,03
Румыния	89,3	-0,02	-1,40	24508,42	1,21	75	7	72	-0,04
Сальвадор	78,1	-2,06	0,53	8948,21	0,00	74	13	72	-0,39
Саудовская Аравия	78,6	-1,31	0,15	54777,38	3,68	75	6	10	0,49
Сербия	90,8	0,61	-0,90	15000,00	0,95	76	5	19	0,02
Сингапур	108,7	-0,54	-0,28	93905,50	101,15	83	2	47	2,10
Словакия	97,5	0,61	-0,51	33025,20	2,57	77	5	5	0,33
Словения	98,0	0,75	0,02	34407,06	17,66	81	2	6	0,69
США	97,7	-0,75	1,40	59501,11	58,54	79	6	3	1,18
Таиланд	88,2	-0,64	0,01	17855,76	0,48	75	8	156	-0,32
Тайвань	104,7	0,91	-1,00	50293,54	16,82	-	-	-	-
Танзания	71,9	-1,84	-0,15	3240,40	0,03	66	38	269	-1,63
Тринидад и Тобаго	87,5	-1,83	-0,26	31367,03	0,72	71	23	17	-0,30
Турция	89,5	-0,94	-0,14	26892,87	0,79	76	10	17	0,08
Уганда	75,4	-1,42	-0,50	2353,70	0,06	60	35	201	-1,71

Украина	94,4	0,68	-1,46	8712,98	0,56	72	8	84	-0,41
Уругвай	90,8	-0,29	0,74	22371,32	1,41	78	7	31	0,14
Филиппины	87,8	-1,30	-0,12	8314,65	0,02	69	22	55 4	-1,73
Финляндия	100,8	0,84	1,03	44332,60	34,33	81	2	5	0,95
Франция	99,7	0,52	0,73	43760,77	32,07	83	4	9	0,96
Хорватия	97,2	0,40	-0,10	24423,54	6,68	78	4	10	0,31
Черногория	86,8	0,72	-1,18	17735,70	0,02	77	3	14	0,14
Чехия	98,9	1,18	0,20	35512,40	16,07	79	3	5	0,59
Чили	90,3	-0,91	-0,04	24537,11	5,26	80	6	17	0,33
Швейцария	100,4	0,58	1,45	61421,82	159,3 4	84	4	7	2,25
Швеция	98,6	1,48	1,76	51474,80	57,46	82	2	6	1,26
Эстония	100,8	1,28	-1,12	31749,52	14,42	78	2	15	0,48
Эфиопия	66,0	-0,65	-0,36	2160,80	0,01	66	41	16 4	-1,49
Южно-Африканская Республика	71,8	-0,98	-0,30	13544,60	1,16	63	29	56 7	-2,07
Япония	104,4	1,74	0,07	42831,52	23,27	84	2	15	0,95

ТЦ – традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности; ЦВ – ценности выживания – ценности самовыражения; ВВП на душу населения – валовой внутренний продукт на душу населения; ИПА – индекс публикационной активности; ПЖ – продолжительность жизни; МС – младенческая смертность; Т – заболеваемость туберкулезом; СЭД – общий показатель социально-экономических достижений.

Table 2.

National IQ, values of the WVS measurements and socio-economic indicators

Country	National IQ	TV	SV	GDP per capita	PAI	LE	IM	T	SEA
Australia	100,1	-0,10	1,62	50333,71	42,97	82	3	7	1,11
Austria	98,9	0,24	1,12	49868,71	41,95	82	3	7	1,10
Azerbaijan	85,0	-0,14	-1,38	17492,36	0,10	72	21	67	-0,50
Albania	83,9	0,30	-1,35	12506,65	0,08	78	8	20	0,02
Algeria	81,8	-1,48	-0,74	15237,20	0,06	76	21	70	-0,36
Andorra	98,2	0,80	1,62	-	0,00	-	3	2	-
Argentina	91,4	-0,53	0,24	20875,76	2,07	77	9	26	0,06
Armenia	93,3	0,55	-1,31	9455,94	3,54	75	11	36	-0,21
Bangladesh	75,5	-1,23	-1,02	4210,79	0,03	73	27	221	-1,03
Belarus	97,0	0,83	-1,36	18930,85	0,87	74	3	37	-0,02
Belgium	99,5	0,33	0,66	46553,07	30,12	81	3	9	0,91

Bulgaria	92,8	1,12	-1,27	21686,64	1,21	75	6	25	0,03
Bosnia and Herzegovina	93,3	0,22	-0,61	12723,74	0,33	77	5	27	0,02
Brazil	87,4	-1,07	0,08	15602,54	1,31	76	13	44	-0,16
Burkina Faso	55,0	-1,32	-0,49	1889,45	0,09	61	51	49	-1,65
United Kingdom	99,3	0,05	1,26	44117,73	53,60	81	4	9	1,06
Hungary	98,0	0,46	-1,03	29473,66	7,63	76	4	8	0,29
Venezuela (Bolivarian Republic of)	87,2	-1,71	0,39	12113,54	0,06	75	26	42	-0,48
Viet Nam	95,2	-0,49	-0,02	6913,13	0,12	76	17	129	-0,51
Ghana	68,2	-1,80	-0,17	4729,49	0,03	63	36	152	-1,48
Guatemala	65,0	-1,70	-0,17	8144,84	0,00	74	23	25	-0,48
Germany	99,1	1,34	0,58	50425,15	51,61	81	3	8	1,14
China, Hong Kong SAR	104,8	1,20	-0,98	61393,32	-	85	-	67	-
Greece	93,3	0,77	0,55	27737,03	6,39	81	4	5	0,48
Georgia	84,8	-0,04	-1,31	10747,05	0,76	73	10	86	-0,38
Denmark	97,7	1,34	1,50	49883,03	63,50	81	4	5	1,21
Dominican Republic	81,5	-1,05	0,33	16944,15	0,00	74	25	45	-0,45
Egypt	82,6	-1,65	-0,55	12670,76	0,13	72	19	13	-0,42
Zambia	74,2	-0,77	-0,62	3996,14	0,01	62	42	361	-2,05
Zimbabwe	71,7	-1,50	-1,36	2282,65	0,04	62	37	221	-1,70
Israel	95,2	0,26	0,36	36340,08	66,51	83	3	3	1,18
India	81,2	-0,48	-0,60	7182,80	0,69	69	32	204	-1,22
Indonesia	85,5	-0,77	-0,65	12377,49	0,03	69	21	319	-1,20
Jordan	85,8	-1,54	-1,01	12494,37	0,10	74	15	7	-0,25
Iraq	84,0	-0,40	-1,68	16953,89	0,02	70	25	42	-0,61
Iran (Islamic Republic of)	84,9	-1,31	-0,40	20199,59	1,20	76	13	14	-0,04
Ireland	95,9	-0,98	0,92	75538,36	24,43	82	3	7	1,27
Iceland	98,3	0,24	1,19	51841,53	71,91	82	2	5	1,38
Spain	96,8	-0,10	0,24	38285,97	22,54	83	3	11	0,83
Italy	96,8	0,15	0,35	38140,34	16,53	83	3	7	0,79
Canada	100,7	-0,22	1,50	48265,25	39,71	82	5	6	1,03
Cyprus	91,6	-0,56	0,13	37022,96	3,13	81	2	5	0,60
China	105,8	1,15	-1,11	16660,27	6,69	76	8	63	-0,05
Colombia	84,5	-1,75	0,54	14485,30	0,34	75	13	33	-0,20
Republic of Korea	103,6	0,98	-0,79	39433,78	24,64	83	3	70	0,75
Kyrgyzstan	80,2	-0,15	-0,91	3667,45	0,04	71	18	144	-0,82
Latvia	96,5	1,09	-0,92	27644,14	0,89	75	4	32	0,13

Lithuania	94,7	0,87	-1,03	32298,86	3,46	75	3	50	0,18
Luxembourg	95,8	0,42	1,13	106373,78	29,39	83	2	6	1,75
TFYR Macedonia	87,4	0,22	-0,87	14914,25	0,40	76	12	13	-0,09
Malaysia	89,7	-0,73	0,09	29040,84	0,31	75	7	93	-0,04
Mali	70,0	-1,25	-0,08	2170,08	0,09	58	66	55	-2,05
Malta	93,4	-1,53	-0,03	41944,78	7,50	82	6	11	0,66
Morocco	80,8	-1,48	-1,07	8566,85	0,08	76	20	99	-0,49
Mexico	87,1	-1,04	0,34	19902,78	0,60	77	12	22	-0,01
Republic of Moldova	89,5	0,43	-1,63	5660,67	0,29	72	13	95	-0,56
Nigeria	70,3	-1,58	-0,36	5929,20	0,00	54	65	219	-2,49
Netherlands	100,6	0,76	1,56	53634,56	50,70	82	3	5	1,22
New Zealand	99,3	0,10	1,82	38933,79	26,11	82	4	8	0,82
Norway	97,9	1,19	1,21	71830,88	34,70	83	2	5	1,37
Pakistan	83,0	-1,41	-0,89	5358,35	0,16	67	61	267	-1,96
Peru	83,4	-1,31	-0,08	13333,87	0,12	75	12	116	-0,36
Poland	96,1	-0,62	-0,36	29521,25	5,89	78	4	17	0,35
Portugal	94,9	-0,56	0,03	30416,50	12,91	81	3	20	0,56
Puerto Rico	83,0	-2,04	0,97	37338,65	0,00	80	-	1	-
Russian Federation	97,0	0,89	-1,62	27834,09	2,90	72	7	60	-0,09
Rwanda	76,0	-1,57	-0,62	2079,88	0,01	67	29	57	-1,03
Romania	89,3	-0,02	-1,40	24508,42	1,21	75	7	72	-0,04
El Salvador	78,1	-2,06	0,53	8948,21	0,00	74	13	72	-0,39
Saudi Arabia	78,6	-1,31	0,15	54777,38	3,68	75	6	10	0,49
Serbia	90,8	0,61	-0,90	15000,00	0,95	76	5	19	0,02
Singapore	108,7	-0,54	-0,28	93905,50	101,15	83	2	47	2,10
Slovakia	97,5	0,61	-0,51	33025,20	2,57	77	5	5	0,33
Slovenia	98,0	0,75	0,02	34407,06	17,66	81	2	6	0,69
United States of America	97,7	-0,75	1,40	59501,11	58,54	79	6	3	1,18
Thailand	88,2	-0,64	0,01	17855,76	0,48	75	8	156	-0,32
Taiwan	104,7	0,91	-1,00	50293,54	16,82	-	-	-	-
United Republic of Tanzania	71,9	-1,84	-0,15	3240,40	0,03	66	38	269	-1,63
Trinidad and Tobago	87,5	-1,83	-0,26	31367,03	0,72	71	23	17	-0,30
Turkey	89,5	-0,94	-0,14	26892,87	0,79	76	10	17	0,08
Uganda	75,4	-1,42	-0,50	2353,70	0,06	60	35	201	-1,71
Ukraine	94,4	0,68	-1,46	8712,98	0,56	72	8	84	-0,41
Uruguay	90,8	-0,29	0,74	22371,32	1,41	78	7	31	0,14
Philippines	87,8	-1,30	-0,12	8314,65	0,02	69	22	554	-1,73
Finland	100,8	0,84	1,03	44332,60	34,33	81	2	5	0,95

France	99,7	0,52	0,73	43760,77	32,07	83	4	9	0,96
Croatia	97,2	0,40	-0,10	24423,54	6,68	78	4	10	0,31
Montenegro	86,8	0,72	-1,18	17735,70	0,02	77	3	14	0,14
Czech Republic	98,9	1,18	0,20	35512,40	16,07	79	3	5	0,59
Chile	90,3	-0,91	-0,04	24537,11	5,26	80	6	17	0,33
Switzerland	100,4	0,58	1,45	61421,82	159,34	84	4	7	2,25
Sweden	98,6	1,48	1,76	51474,80	57,46	82	2	6	1,26
Estonia	100,8	1,28	-1,12	31749,52	14,42	78	2	15	0,48
Ethiopia	66,0	-0,65	-0,36	2160,80	0,01	66	41	164	-1,49
South Africa	71,8	-0,98	-0,30	13544,60	1,16	63	29	567	-2,07
Japan	104,4	1,74	0,07	42831,52	23,27	84	2	15	0,95

TV – traditional values - secular-rational values; SV – survival values - self-expression values; GDP per capita – gross domestic product per capita; PAI – publication activity index; LE – life expectancy; IM – infant mortality; T – tuberculosis incidence; SEA – general indicator of socio-economic achievements.

Таблица 3.

Интеркорреляции показателей из таблицы 2

	ТЦ	ЦВ	ВВП на душу населения	ИПА	ПЖ	МС	Т	СЭД
Национальный IQ	0,721	0,294	0,690	0,517	0,818	-0,816	-0,479	0,826
ТЦ		0,041	0,433	0,363	0,521	-0,616	-0,353	0,570
ЦВ			0,572	0,569	0,481	-0,296	-0,278	0,554
ВВП				0,703	0,733	-0,618	-0,456	0,862
ИПА					0,535	-0,376	-0,283	0,700
ПЖ						-0,886	-0,638	0,940
МС							0,573	-0,861
Т								-0,716

ТЦ – традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности; ЦВ – ценности выживания – ценности самовыражения; ВВП на душу населения – валовой внутренний продукт на душу населения; ИПА – индекс публикационной активности; ПЖ – продолжительность жизни; МС – младенческая смертность; Т – заболеваемость туберкулезом; СЭД – общий показатель социально-экономических достижений.

Table 3.

Intercorrelations of the variables from Table 2

	TV	SV	GDP per capita	PAI	LE	IM	T	SEA
National IQ	0,721	0,294	0,690	0,517	0,818	-0,816	-0,479	0,826
TV		0,041	0,433	0,363	0,521	-0,616	-0,353	0,570
SV			0,572	0,569	0,481	-0,296	-0,278	0,554
GDP per capita				0,703	0,733	-0,618	-0,456	0,862
PAI					0,535	-0,376	-0,283	0,700
LE						-0,886	-0,638	0,940
IM							0,573	-0,861
T								-0,716

TV – traditional values - secular-rational values; SV – survival values - self-expression values; GDP per capita – gross domestic product per capita; PAI – publication activity index; LE – life expectancy; IM – infant mortality; T – tuberculosis incidence; SEA – general indicator of socio-economic achievements.

Надежность данных WVS

Средняя корреляция значений измерения «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности» между пятью волнами составляет 0,930, изменяясь от 0,896 до 0,966, для ТЦ и 0,911, изменяясь от 0,835 до 0,944 для ЦВ. Это говорит о высокой надежности оценок стран по обоим факторам. Пространственная автокорреляция значений ТЦ и ЦВ из таблицы 2 составляет 0,682 и 0,521, соответственно (для национального IQ 0,691). Это также говорит о надежности факторных оценок стран. Таким образом, как корреляции между данными волн WVS, так и пространственные автокорреляции усредненных по пяти волнам данных позволяют сделать заключение о надежности факторных оценок стран. Констатируя надежность факторных оценок стран, можно перейти ко второму этапу проверки информативности данных WVS в отношении

реально существующих ценностей – оценке значимости их независимого от национального IQ вклада в предсказание социально-экономических показателей.

Данные WVS как предикторы социально-экономических показателей

Как можно видеть в таблице 3, и ТЦ, и ЦВ связаны с социально-экономическими показателями: они положительно коррелируют с ВВП на душу населения, публикационной активностью и продолжительностью жизни, и отрицательно – с младенческой смертностью и заболеваемостью туберкулезом. Однако при этом оба эти фактора положительно коррелируют с национальным IQ, являющимся предиктором всех перечисленных социально-экономических показателей. В какой мере корреляции ТЦ и ЦВ с социально-экономическими показателями могут быть объяснены связями как тех, так и других, с национальным IQ?

Это можно оценить, определив, будет ли предсказание социально-экономических показателей по национальному IQ и каждому из факторов эффективней, чем предсказание по одному национальному IQ. В таблицах 4 и 5 представлены результаты соответствующих регрессионных анализов.

Таблица 4.

Сравнение эффективности предсказания пяти социально-экономических показателей по национальному IQ с эффективностью их предсказания по национальному IQ и ТЦ

Социально-экономический показатель	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по национальному IQ	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по национальному IQ и ТЦ	Увеличение эффективности предсказания	F	Значимость
ВВП на душу населения	0,471	0,474	0,003	0,475	Нз
ИПА	0,260	0,252	-0,008		
ПЖ	0,666	0,671	0,004	1,234	Нз
МС	0,663	0,661	-0,001		
Т	0,221	0,213	-0,008		
СЭД	0,678	0,675	-0,003		

ТЦ – традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности; ВВП на душу населения – валовой внутренний продукт на душу населения; ИПА – индекс публикационной активности; ПЖ – продолжительность жизни; МС – младенческая смертность; Т – заболеваемость туберкулезом; СЭД – общий показатель социально-экономических достижений.

Table 4.

Comparison of the efficiency of prediction of five socio-economic indicators by national IQ with the efficiency of their prediction by national IQ and TV.

Socio-economic indicator	R2 adjusted when predicted by national IQ	R2 adjusted when predicted by national IQ and TV	The increase of the efficiency of prediction	F	Significance
GDP per capita	0,471	0,474	0,003	0,475	Ns
PAI	0,260	0,252	-0,008		
LE	0,666	0,671	0,004	1,234	Ns

IM	0,663	0,661	-0,001		
T	0,221	0,213	-0,008		
SEA	0,678	0,675	-0,003		

TV – traditional values - secular-rational values; GDP per capita – gross domestic product per capita; PAI – publication activity index; LE – life expectancy; IM – infant mortality; T – tuberculosis incidence; SEA – general indicator of socio-economic achievements.

Таблица 5.

Сравнение эффективности предсказания пяти социально-экономических показателей по национальному IQ с эффективностью их предсказания по национальному IQ и ЦВ.

Социально-экономический показатель	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по национальному IQ	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по национальному IQ и ЦВ	Увеличение эффективности предсказания	F	Значимость
ВВП на душу населения	0,471	0,622	0,151	36,680	0,001
ИПА	0,260	0,439	0,179	29,373	0,001
ПЖ	0,666	0,724	0,057	18,889	0,001
МС	0,663	0,659	-0,003		
T	0,221	0,231	0,010	1,195	Нз
СЭД	0,678	0,763	0,085	31,894	0,001

ЦВ – ценности выживания – ценности самовыражения; ВВП на душу населения – валовой внутренний продукт на душу населения; ИПА – индекс публикационной активности; ПЖ – продолжительность жизни; МС – младенческая смертность; T – заболеваемость туберкулезом; СЭД – общий показатель социально-экономических достижений.

Table 5.

Comparison of the efficiency of prediction of five socio-economic indicators by national IQ with the efficiency of their prediction by national IQ and SV.

Socio-economic indicator	R2 adjusted when predicted by national IQ	R2 adjusted when predicted by national IQ and SV	The increase of the efficiency of prediction	F	Significance
GDP per capita	0,471	0,622	0,151	36,680	0,001
PAI	0,260	0,439	0,179	29,373	0,001
LE	0,666	0,724	0,057	18,889	0,001
IM	0,663	0,659	-0,003		
T	0,221	0,231	0,010	1,195	Ns
SEA	0,678	0,763	0,085	31,894	0,001

SV – survival values - self-expression values; GDP per capita – gross domestic product per capita; PAI – publication activity index; LE – life expectancy; IM – infant mortality; T – tuberculosis incidence; SEA – general indicator of socio-economic achievements.

Во вторых столбцах таблиц 4 и 5 представлены меры эффективности предсказания социально-экономических показателей по национальному IQ – нормированные квадраты корреляций социально-экономических показателей с национальным IQ. В-третьих, столбцах таблиц 4 и 5 представлены такие же меры эффективности предсказания социально-экономических показателей по национальному IQ и ТЦ (таблица 4), и по национальному IQ и ЦВ (таблица 5). В четвертых столбцах таблиц значения, показывающие, насколько увеличивается эффективность предсказания по национальному IQ и одному из факторов по сравнению с предсказанием по одному национальному IQ – разности соответствующих нормированных квадратов корреляций. В пятых и шестых столбцах представлены значения F-критерия для оценки значимости увеличения эффективности предсказания и уровни значимости (отрицательные разности говорят об отсутствии увеличения эффективности предсказания, оценивать в таких случаях нечего).

Как можно видеть в таблице 4, ТЦ не вносят независимого от интеллекта вклада в предсказание какого-либо из включенных в анализ социально-экономических показателей. Однако, как можно видеть в таблице 5, ЦВ вносят независимый от интеллекта вклад в предсказание ВВП, ИПА и ПЖ (хотя их вклад в предсказание ПЖ заметно ниже, чем в предсказание ВВП и ИПА), а также СЭД, но не в предсказание ИМ и Т. Таким образом, все корреляции ТЦ с социально-экономическими показателями могут быть объяснены связями с национальным IQ, три из пяти корреляций с ними ЦВ – нет. Рассмотрим подробнее связи ЦВ, национального IQ и социально-экономических показателей.

Как показывают значения в таблице 3, ЦВ и национальный IQ связаны слабо (корреляция = 0,294). Действительно, как можно видеть в таблице 2, страны, самым высоким национальным IQ характеризуются дальневосточные страны. В то же время, все они, кроме Японии имеют отрицательные значения по фактору ЦВ (Япония имеет очень низкое положительное значение: 0,07). Положительные значения по фактору ЦВ имеют все европейские страны, не имевшие социалистической истории (и неевропейские страны, населенные преимущественно европейцами), кроме Мальты, имеющей очень низкое отрицательное значение (-0,03); национальный IQ во всех этих странах выше среднего по выборке, это частично обусловило то, что корреляция все-таки положительная. Корреляции национального IQ со всеми рассматриваемыми социально-экономическими показателями либо средние, либо высокие, корреляции ЦВ с ними в четырех случаях из пяти ниже, в одном (с ИПА) немного выше. Корреляции ЦВ с тремя социально-экономическими показателями (ВВП, ИПА и ПЖ) не могут, как уже было сказано, быть объяснены связями с

национальным IQ. Чем могут быть обусловлены их предсказательные возможности?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим регрессионные остатки при предсказании ВВП, ИПА и ПЖ по национальному IQ. Можно заметить, что среди больших отрицательных остатков (стандартный остаток меньше -1) непропорционально много стран с социалистической историей. Так, из восьми больших отрицательных остатков при предсказании ВВП семь приходится на страны с социалистической историей, из трех при предсказании ИПА – два, из четырнадцати при предсказании ПЖ – семь (стран с социалистической историей в выборке меньше трети). Теперь рассмотрим, какие страны противопоставлены по фактору ЦВ. Одно противопоставление мы уже отмечали: по этому фактору Запад противопоставлен Востоку. Второе же противопоставление, наблюдаемое в основном среди европейских стран – это противопоставление стран, имеющих и не имеющих социалистическую историю. По всей видимости, добавление в качестве предиктора ЦВ приводит к учету отрицательных остатков стран с социалистической историей, что повышает эффективность предсказания.

Заключение

Проведенное исследование показало, что одно из «ключевых измерений», выделяемых в данных WVS, задаваемое противопоставлением «ценностей выживания» «ценностям самовыражения» вносит независимый от национального IQ вклад в предсказание социально-экономических показателей. Этот результат согласуется с предположением, что данные WVS являются информативными относительно реально существующих ценностей. Предсказательные

возможности данного «ключевого измерения» могут быть обусловлены тем, что с ним связан фактор наличия-отсутствия социалистической истории.

Литература

1. Интервью с профессором Евгением Федоровичем Тарасовым. Московская психолингвистическая школа: истоки, становление, результаты // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2(12). С. 15-19.

2. Карлин А.В., Григорьев А.А. Модель факторов инновационной эффективности страны // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 6-23.

3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека фонда «Либеральная миссия»).

4. Fuerst J., Kirkegaard E.O.W. Admixture in Americas: Regional and national differences // Mankind Quarterly. 2016. V. 56. № 3. P. 255-373.

5. Gelade G.A. IQ, cultural values, and the technological achievement of nations // Intelligence. 2008. V. 36. P. 711-718.

6. Gorodnichenko Y., Roland G. Individualism, innovation, and long-run growth // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011.

7. Gouveia V.V., Ros M. Hofstede and Schwartz's models for classifying individualism at the cultural level: their relation to macro-social and macro-economic variables // Psychothema. 2000. Vol. 12. Supl. P. 25-33.

8. Kyriacou A. Individualism-collectivism, governance and economic development // Online at <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/65151/> MPRA Paper No. 65151, posted 21. June 2015 03:53 UTC.

9. Lynn R., Vanhanen T. Intelligence: A unifying construct for the social sciences. London: Ulster Institute for Social Research, 2012.

10. Stolarski M., Jasielska D., Zajenkowski M. Are all smart nations happier? Country aggregate IQ predicts happiness, but the relationship is moderated by individualism-collectivism // *Intelligence*. 2015. V. 50. P. 153-158.

11. Zengrui T., Buitrago G.A., Wahdan H. Can intelligence overcome the effect of individualism on economic development of regions? // *International Business Research*. 2017. V. 10. № 9. P. 116-121.

References

1. Interv'ju s professorom Evgeniem Fedorovichem Tarasovym. Moskovskaja psiholingvističeskaja škola: istoki, stanovlenie, rezul'taty // *Voprosy psiholingvistiki*. 2010. # 2(12). S. 15-19.

2. Karlin A.V., Grigor'ev A.A. Model' faktorov innovacionnoj jeffektivnosti strany // *Sibirskij psihologičeskij žurnal*. 2019. # 71. S. 6-23.

3. Inghart R., Vel'cel' K. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' čelovečeskogo razvitija. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. – 464 s. – (Biblioteka fonda «Liberal'naja missija»)

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ / THE WORKS OF YOUNG RESEARCHERS

М.О. Матвеев

преподаватель

*Московского государственного института
международных отношений (университет) МИД РФ,*

119454, проспект Вернадского, 76,

Москва, Россия

аспирант

Института языкознания РАН

125 009, Большой Кисловский пер., д.1, стр.1,

г. Москва, Россия

e-mail: mike-matveev@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ РЕЧЕВЫХ И КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ)

Данная статья посвящена изучению соотношения речевых (коммуникативных) и когнитивных (восприятию, воспоминанию и представлению) процессов, т.е. взаимосвязи слова и мысли, через креолизованные тексты.

Ключевые слова: речевые процессы, когнитивные процессы, креолизованный текст, образ сознания, образ восприятия, образ воспоминания, образ представления.

M. Matveev

CORRELATION OF SPEECH AND COGNITIVE PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF CREOLIZED TEXTS)

This article is devoted to the study of the correlation between speech (communicative) and cognitive (perception, memory and representation) processes, i.e. the interconnection of words and thoughts, using creolized texts.

Key words: speech processes, cognitive processes, creolized text, mental image, perception image, memory image, representation image.

В данной статье речь пойдет о соотношении речевых (коммуникативных) и когнитивных (восприятии, воспоминании и представлении) процессов, иными словами, о взаимосвязи слова и мысли.

Для начала, необходимо уточнить, что коммуникация в современном мире обладает определенными особенностями, например, развитие разных форм медиа, в том числе телевизионных и интернет-СМИ, изменило требования аудитории к подаче информации. Это вызвало закономерные изменения в облике печатных СМИ, прежде всего, увеличение степени визуализации контента, рост числа креолизованных текстов. Таким образом, можно говорить о том, что в современном мире коммуникация (как письменная, так и устная) строится в-основном при помощи креолизованных текстов, о которых речь пойдет далее.

Креолизованные тексты представляют из себя тексты, состоящие из вербальной и невербальной (обычно иллюстративной) частей. На данный момент креолизованные тексты широко распространены, в первую очередь, в средствах массовой информации ввиду того, что за последние годы значительно увеличился объем мультимедийной продукции и количество иллюстрированных журналов. Кроме того, иллюстрации можно обнаружить в учебной литературе, а также во многих научно-популярных изданиях и в художественной литературе.

Необходимо отметить, что креолизованными можно назвать практически все тексты. Дело в том, что даже при отсутствии иллюстраций, вербальная часть текста представлена в виде печатных символов, которые обладают собственными характеристиками, влияющими на их восприятие (кегель, шрифт, использование курсива и т.д.). Таким образом, один и тот же

текст, написанный стандартным типографским шрифтом и текст, написанный, например, готическим шрифтом, будут восприниматься читателями по-разному. Более того, вслед за В.П. Морозовым [18], можно говорить о двухканальной, (т.е. вербально-невербальной) природе речевого общения, т.е. создание креолизованного текста, обладающего невербальными характеристиками (например, голос говорящего характеризуется тембром, мелодикой, темпо-ритмическими особенностями, атипичными индивидуальными особенностями произношения (смех, покашливание, заикание и т. п.).речи, голосом выражаются эмоции, отношение говорящего к содержанию речи, реципиенту и т.д.) происходит даже в процессе устной коммуникации. Что касается визуальной части креолизованного текста, здесь необходимо сослаться на П.В. Яньшина, высказавшегося о существовании у цветов естественных значений, таких как тон, насыщенность и яркость. В своей работе автор приходит к выводу, что «воздействие цвета комплексно и закономерно влияет на психосоматический статус людей и животных, эти влияния совпадают с характеристиками, традиционно приписываемыми определенным цветам». Кроме того, автор подчеркивает, что цвета взаимодействуют не только со зрением, но и влияют на другие органы чувств, что «цвет несет в себе нечто, ставящее его в совершенно особенные отношения с человеческой душевной организацией» [21, с. 204].

Таким образом, понимание креолизованного текста осуществляется путем аналогового отображения, т.е. формируется образ сознания, подобный изображению (например, визуальному или акустическому) предмета, который человек наблюдает в данный момент. Таким образом, воспринимается не сам предмет, а его отражение, обработанное нашим сознанием.

Образы сознания формируются в ходе восприятия предмета и явления, и в дальнейшем, будучи сохраненными в сознании, при восприятии подобного предмета или явления, используется в качестве перцептивного эталона, с которым индивид будет осуществлять сравнение воспринимаемых впоследствии предметов. Учитывая вышесказанное, можно согласиться с Г. Глейтманом, А. Фридлундом и Д. Райсбергом, которые полагают, что «многие наши знания существуют в форме аналогий, называемых психическими образами...» [4, с. 251-252].

Необходимо отметить, что образы сознания исследуются очень давно. В частности, изучением данной проблемы занимался еще В. Гумбольдт, писавший «Слово есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе» [5, с. 80].

Данную позицию разделяет Э. Кассирер: «...слово с точки зрения физического субстрата — всего лишь дуновение воздуха: в этом дуновении таится необычайная сила, воздействующая на динамику представления и мышления [7, с. 43].

Таким образом, речь, представляющая из себя движения воздуха, является специфическим искусственным физическим объектом, но, с другой стороны, эти искусственные объекты обладают особым символическим значением для людей, владеющих языком, на котором создана данная речь. Слова стимулируют сознание слушающего и актуализируют в сознании людей, владеющих данным языком, психические конструкции, моделирующие обозначаемые соответствующими словами сущности.

Нельзя не согласиться с А.А. Леонтьевым, который утверждал, что «слова... представляют собой абстракции, которым прямо не соответствует во мире ничего непосредственно чувственного» [9, с. 49].

Кроме того, «слово, как и любой другой языковой знак, является двусторонней сущностью. ...Все и вообще все языковые знаки являют собой единство звука и значения, или, иначе единство означающего и означаемого» [20, с. 31].

Далее необходимо поговорить о значении слов. Люди, разговаривающие на языке, наделяют каждое из слов конвенциональным символическим значением. Это приводит к тому, что образы слов начинают означать нечто отличное от того, чем они являются в качестве физических предметов.

Как отмечает С.Э. Поляков, «вместо понятий мысленные, ментальные или психические образы, распространенных в современной зарубежной психологии, в российской психологии обычно используют понятия образы представления, восприятия и воспоминания» [19, с. 115].

Каков же механизм использования образов сознания при работе с креолизованными текстами? Восприятие креолизованного текста состоит из двух этапов: во-первых, восприятие тела знака, значения знака, образа предмета, обозначенного знаком, во-вторых, работа с образом сознания, ассоциированные с телом вербального знака.

По мнению А.Н. Леонтьева, основной характеристикой деятельности является ее предметность — деятельность определяется предметом, подчиняется, уподобляется ему: предметный мир «втягивается» в деятельность и отражается в его образе, в том числе в эмоционально-потребностной сфере, в то время как образ порождается предметной деятельностью. Таким образом, сознание представляет из себя субъективное отражение объективного мира, порождаемое материальной практической деятельностью [11].

Данную точку зрения поддерживает и С.Э. Поляков, который пишет: «...всякий раз в чем-то отличающийся сенсорно слуховой или визуальный образ восприятия определенного слова всегда актуализирует в нашем сознании модель-репрезентацию обозначаемого этим словом объекта или же вербальную конструкцию, репрезентирующую обозначаемый словом объект, которые, собственно, и ответственны за субъективную тождественность для нас всякий раз разного образа данного слова...» [19, с. 391]. Образ слова (вербальный образ) имеет свое индивидуальное значение или личностный смысл для человека, владеющего данным языком. Вербальные образы, имеющие сходное, а главное, понятное для всех людей, знакомых с данным языком, значение, являются понятиями.

Далее рассмотрим, что представляют из себя понятия. По мнению С.Э. Полякова, «понятия — это образы соответствующих слов (то есть сенсорные репрезентации искусственных физических объектов), имеющие, однако, для субъекта не прямое, а символическое значение. Понятия ... сегментируют бескрайний океан наших чувственных репрезентаций, выделяя в нем и маркируя для ясного понимания и последующего оперирования ими фрагменты глобальной сенсорной модели-репрезентации мира» [Там же, с. 371].

Понятия не заложены в нас с момента рождения, а формируются в процессе познания языка, формируя картину мира, соответствующую культуре, в которой мы воспитываемся. «Формирующаяся у новорожденного глобальная модель-репрезентация окружающего мира изначально не дифференцирована, хотя сознание постепенно начинает выделять в ней чувственные сущности — модели-репрезентации отдельных элементов реальности. Усваиваемые ребенком понятия — вербальные «ярлыки» (образы соответствующих слов), имеющие понятное

ему значение, окончательно дифференцируют и «расчленяют» сенсорную модель-репрезентацию реальности» [Там же].

Таким образом, определяя с помощью понятия некий предмет, мы объединяем по одному или нескольким признакам большое количество относительно сходных, а часто даже и вовсе не очень сходных чувственных репрезентаций, и замещаем их чувственным же образом единственного искусственного объекта — слова. Такая операция, с одной стороны, значительно упрощает дальнейшие психические манипуляции с новой моделью, называемой понятием, с другой — полностью меняет восприятие окружающего мира. При переходе на символический уровень моделирования реальности теряется ее непосредственная чувственная данность и достоверность. Появляется совершенно иной и во многом вымышленный человечеством мир, в котором в основном и пребывает сознание людей. Мир представлений в форме вербальных моделей помогает человеку понимать реальность, но это уже совсем иная, не данная людям чувственно, а сконструированная, созданная самим человеком реальность» [Там же, с. 375].

Таким образом, нельзя не согласиться с В. фон Гумбольдтом, который утверждал следующее: «...соединение звука со своим значением в языке так же непостижимо, как связь с духом. ...Можно сколь угодно дробить понятия, расчленять слова, но мы от этого еще ни на шаг не приблизимся к разгадке таинственного соединения мысли со словом» [6, с. 166].

Каждое понятие представляет из себя не единичный образ, а модель-репрезентацию соответствующего слова, ассоциированную с моделью-репрезентацией обозначаемого данным словом объекта. Вот какое определение модели-репрезентации слова дает С.Э. Поляков: «Модель-репрезентация слова, как и модель-репрезентация любого другого объекта,

представляет собой множество образов воспоминания и представления этого объекта, а в данном случае еще и множество воспоминаний интероцептивных ощущений, связанных с созданием этого объекта, поступавших от структур, ответственных за вокализацию соответствующего слова» [19, с. 392].

Необходимо отметить, что слово — это не простой объект, это объект-символ, обозначающий другой объект или иную сущность. И поэтому образ восприятия слова всякий раз актуализирует в сознании не только модель-репрезентацию самого слова (т.е. его прямое значение), но и модель-репрезентацию означаемого им основного объекта.

Каким же образом формируется взаимосвязь между словом и понятием?

По мнению С.Э. Полякова, «способности ребенка к языку органично вытекают из прочих психических способностей, в частности способности к формированию образа, в том числе символического, взаимозаменяемости невербальных и вербальных образов в мышлении, способности к метафорическому упрощающему иллюстрированию абстрактных вербальных конструкций и т. д. Способности к языку являются результатом основных психических способностей человека и не являются чем-то специальным, отличным от прочих когнитивных способностей» [Там же, с. 625].

Этот тезис также подтверждается и теорией речевой деятельности А.А. Леонтьева. Исходя из идеи Л.С. Выготского о необходимости «анализа по единицам, а не по элементам», А.А. выделяет в качестве единицы, обладающей «всеми основными свойствами, присущими целому» элементарное действие, «клеточку» деятельности [8, с. 263]. Так, по его мнению, процесс производства речи «может быть интерпретирован как последовательность принятия решений или последовательность

элементарных действий» [10, с. 79]. Используя аппарат теории деятельности А.Н. Леонтьева, Алексей Алексеевич осмысливает психолингвистику как теорию речевой деятельности. Как «клеточка» деятельности, речевое действие обладает мотивом и целью и состоит из трех фаз: планирование, реализация и контроль. Целостный контекст деятельности определяет действие, так, например, выбор грамматической структуры – не чисто грамматическое действие определенного модуля. А.А. Леонтьев, вслед за Н.А. Бернштейном, рассматривал речевой механизм как иерархическую структуру, как «сложную многоуровневую постройку, возглавляемую ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре» речевого акта [3, с. 100]. Эту мысль проводит и А.А. Леонтьев [9, с. 32, 261, 264].

Другой аргумент в пользу точки зрения о наличии неязыкового сознания привел А.Р. Лурия, создавший теорию афазии. Данный исследователь развивал идеи Н.А. Бернштейна [2], что новые механизмы надстраиваются над старыми, сохраняя свое принципиальное родство. Исходя из этого, А.Р. Лурия предположил, что в работе речевых зон можно обнаружить и то общее, что объединяет их с зонами, на основе которых они возникли, и отличающую их специфику. Изучение патологий речевых и примыкающих к ним зон позволило выделить общие их черты (так называемые факторы) и интерпретировать речевые нарушения через общий с пограничным невербальным нарушением фактор [14, с. 64-66].

Сходные идеи высказывают сторонники теории воплощенного познания. С их точки зрения, «язык (как и другие абстрактные или высокоуровневые умения) возникает и сохраняет внутреннюю связь с эволюционно более ранними сенсомоторными субстратами, что позволяет

нам понимать (слуховой и зрительный субстраты) или продуцировать (моторный субстрат) речь» [23, р. 238].

Как полагает, С.Э. Поляков, «в человеческом сознании, помимо сенсорных моделей конкретных объектов, сформировались понятия — вербальные абстрактные универсальные модели любого объекта, входящего в определенное множество, обозначаемое общим абстрактным понятием: стул, стол, ключ (вообще) и т. д. Например, любого стула, входящего в множество, обозначаемое понятием стул. Сформировались также репрезентации объектов, существующих не в физической, а в объективной психической реальности и обозначаемых, например, понятиями: договор, сделка, правительство и т. д.» [19].

Кроме того, по мнению С.Э. Полякова, «в человеческом сознании, кроме сенсорных моделей конкретных объектов, сформировались понятия — вербальные абстрактные универсальные модели любого объекта, входящего в определенное множество, обозначаемое общим абстрактным понятием: стул, стол, ключ (вообще) и т. д. Например, любого стула, входящего в множество, обозначаемое понятием стул. ...В процессе моделирования реальности психика приобрела возможность создавать, кроме сенсорных репрезентаций окружающего физического мира, вербальные репрезентации какого-то иного, хотя на первый взгляд того же самого, физического мира, объекты которого, однако, существуют только в самой психике» [Там же].

Каким же образом возникают вербальные конструкции, которыми люди, по мнению А.Н. Леонтьева, оперируют для организации совместной деятельности? С.Э. Поляков утверждает, что «на каком-то очередном этапе индивидуального развития психики вербальные психические конструкции отрываются от сенсорных моделей, они перестают их только

«дублировать» и становятся независимыми от них. Начинается вербальное конструирование реальности» [Там же].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в процессе мышления и, как следствие, коммуникации, человек оперирует не объектами, как они существуют во внешнем мире, а их концептами, представляющими из себя «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 269], имея дело с последними в ходе языковых этапов деятельности. Следовательно, язык представляет из себя лишь одну из форм репрезентации окружающей действительности.

Литература

1. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. П. М., 1928. Перепечатано в сб.: Русская словесность. Антология. М., 1997. 269 с.
2. *Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 293 с.
3. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медгиз, 1966. 400 с.
4. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии: / пер. с англ/ Под ред. В. Ю. Большакова, В. Н. Дружинина. СПб.: Речь, 2001. 1247 с.
5. *Гумбольдт В. фон.* О различении строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984., 400 с.
6. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвилли; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегшцева. М.: Прогресс, 2001. 400 с.

7. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университет. кн., 2002. 272 с.
8. *Леонтьев А.А.* Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969. С. 3-6.
9. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
10. *Леонтьев А.Н.* Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Наука, 1974, С. 5-20.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Полит. издат., 1975. 352 с.
12. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1983а. Т. 2. 320 с.
13. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999. 487 с.
14. *Лурия А.Р.* Травматическая афазия. М.: Изд. Академии медицинских наук, 1947. 367 с.
15. *Лурия А.Р.* Восстановление функций мозга после военной травмы. М.: Изд. Академии медицинских наук, 1948. 234 с.
16. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 373 с.
17. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. и ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювенга; Наука, 1999. 605 с.
18. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация в системе речевого общения. Психофизиологические и психоакустические основы. М., ИП РАН, 1998. 329 с.
19. *Поляков С.Э.* Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 688 с.

20. *Якобсон Р.* Избранные работы / Пер. с англ., нем., фр. языков, сост. и общ. ред. д. ф. н. В. А. Звегинцева, предисл. д. ф. и. В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1985. 454 с.
21. *Яньшин П.В.* Эмоциональный цвет. Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. Самара: СамГПУ, 1996. 218 с.
22. *Яньшин, П.В.* Психосемантика цвета. М.: Речь, 2006. 368 с.
23. *Dick F., Dronkers N., Pizzamiglio L., Saygin A.P., Small S.L., & Wilson S.* Language and the Brain. In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, pp. 237-260.

References

1. Askol'dov S.A. Kontsept i slovo // Russkaya rech'. Novaya seriya. P. M., 1928. Perepechatano v sb.: Russkaya slovesnost'. Antologiya. M., 1997. S. 269.
2. Bernshteyn N.A. O postroyenii dvizheniy. M.: Medgiz, 1947. 293 s.
3. Bernshteyn N.A. Ocherki po fiziologii dvizheniy i fiziologii aktivnosti. M.: Medgiz,, 1966. 400 s.
4. Gleytman G., Fridlund A., Raysberg D. Osnovy psikhologii: / per. s angl/ Pod red. V. YU. Bol'shakova, V. N. Druzhinina. SPb.: Rech', 2001. 1247 s.
5. Gumbol'dt V. O razlichenii stroyeniya chelovecheskikh yazykov i yego vliyaniye na dukhovnoye razvitiye chelovechestva // V. Gumbol'dt. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1984. 400 s.
6. Gumbol'dt V. fon. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu: Per. s nem. / Obshch. red. G. V. Ramishvilli; poslesl. A. V. Gulygn i V. A. Zvegshshcheva. M.: Progress, 2001. 400 s.

7. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: V 3 t. T. 1.* YAzyk. M.; SPb.: Universitet. kn., 2002. 272 s.
8. Leont'yev A.A. *Smysl kak psikhologicheskoye ponyatiye // Psikhologicheskiye i psikholingvisticheskiye problemy vladeniya i ovladeniya yazykom.* M.: MGU, 1969. S. 3-6.
9. Leont'yev A.A. *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost', Znak, Lichnost').* M.: Smysl, 2001. 392 s.
10. Leont'yev A.N. *Obshcheye ponyatiye o deyatel'nosti // Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti / Pod red. A.A. Leont'yeva.* M.: Nauka, 1974. S. 5-20.
11. Leont'yev A.N. *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'.* M.: Polit.izdat., 1975. 352 s.
12. Leont'yev A.N. *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: V 2 t. / Pod red. V. V. Davydova, V. P. Zinchenko, A. A. Leont'yeva, A. V. Petrovskogo.* M.: Pedagogika, 1983a. T. 2. 320 s.
13. Leont'yev D. A. *Psikhologiya smysla.* M.: Smysl, 1999. 487 s.
14. Luriya A.R. *Travmaticheskaya afaziya.* M.: Izd. Akademii meditsinskikh nauk, 1947. 367 s.
15. Luriya A.R. *Vosstanovleniye funktsiy mozga posle voyennoy travmy.* M.: Izd. Akademii meditsinskikh nauk, 1948. 234 s.
16. Luriya A.R. *Osnovy neyropsikhologii.* M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. 373 s.
17. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya / Per. s fr. i red. I. S. Vdovinoy, S. L. Fokina.* SPb.: Yuvenga; Nauka, 1999. 605 s.
18. Morozov V.P. *Neverbal'naya kommunikatsiya v sisteme rechevogo obshcheniya. Psikhofiziologicheskiye i psikhoakusticheskiye osnovy.* M., IP RAN, 1998. 329 s.
19. Polyakov S.E. *Fenomenologiya psikhicheskikh reprezentatsiy.* SPb.: Piter, 2011. 688 s.

20. Jakobson R. Izbrannyye raboty / Per. s angl., nem., fr. yazykov, sost. i obshch. red. d. f. n. V. A Zvegintseva, predisl. d. f. i. V. V. Ivanova. M.: Progress, 1985. 454 s.
21. Yan'shin P.V. Emotsional'nyy tsvet. Emotsional'nyy komponent v psikhologicheskoy strukture tsmeta. Samara: SamGPU, 1996. 218 s.
22. Yan'shin, P.V. Psikhosemantika tsmeta. M.: Rech', 2006. 368 s.
23. Dick F., Dronkers N., Pizzamiglio L., Saygin A.P., Small S.L., & Wilson S. Language and the Brain. In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, Pp. 237-260.

ОБ АВТОРАХ / ABOUT AUTHORS

Тарасов Евгений Федорович

профессор, доктор филологических наук, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН РФ, автор теории языкового сознания, лидер Московской психолингвистической научной школы

Головина Лариса Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, специалист в области гражданского и государственного права Германии, Австрии и Швейцарии, психолингвистики, когнитивной лингвистики

Романов Алексей Аркадьевич

доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, автор более 500 научных работ, включая монографии, учебники и учебные пособия, основатель научной школы «Регулятивная модель динамической коммуникации»

Романова Лариса Алексеевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии

Степанов Валентин Николаевич

доктор филологических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (г. Ярославль), председатель Общественного совета при Департаменте общественных связей Правительства Ярославской области, эксперт Евразийской коммуникативной ассоциации Северной Америки (ECANA, Eurasian Communication Association of North America)

Григорьев Андрей Александрович

доцент, доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ, специалист в сфере внутреннего лексикона, групповых различий в интеллекте

Валуева Екатерина Александровна

кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ, специалист в сфере психологии способностей, тестов способностей, интеллекта, креативности, влияния подсказок на решение задач, инкубационных процессов в решении задач

Григорьев Николай Андреевич

аспирант Института всеобщей истории РАН РФ

Карлин Анатолий Владимирович

младший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ

Матвеев Михаил Олегович

преподаватель кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, аспирант Института языкознания РАН РФ, сфера научных интересов: перевод и переводоведение, психолингвистика

АНОНСЫ / ANNOUNCEMENTS

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет»

при поддержке

**Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт языкознания РАН»**

**Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Российский университет дружбы
народов»**

**Образовательного частного учреждения высшего образования
«Московская международная академия»**

ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»

22-23 ноября 2019 г.

проводят Международную научно-практическую конференцию

**«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ
ДИАЛОГ»**

Конференция будет проходить по адресу: г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5 б.

Начало работы конференции – 22 ноября 2019 г. в 10.00

Телефон для справок: +7(963) 637-4828

Адрес электронной почты: shipilovakv@mgpu.ru

Информация об организаторе: www.mgpu.ru, www.psycholinguistic.ru

Основная проблематика:

Этнокультурные варианты профессиональной деятельности, сознания и личности.

Историко-культурные аспекты профессиональной картины мира.

Монокультурная и поликультурная гипертекстуальность профессионального общения.

Социология, педагогика, психология и лингвистика профессиональной личности.

Совместная профессиональная деятельность в мультинациональных трудовых коллективах.

Надкультурный характер удаленной профессиональной деятельности.

Политическая борьба как современная форма взаимодействия профессиональных культур.

В работе конференции предусмотрено проведение Круглого стола по проблеме гипертекста «Гипертекст – II».

Формы работы конференции

На конференции планируются пленарные доклады (до 15 мин.), сообщения на секционных заседаниях (до 10 мин.), а также заочное участие. К открытию конференции планируется издать печатный сборник материалов конференции (с присвоением ISBN). Материалы аспирантов, молодых ученых и преподавателей будут размещены в базе РИНЦ. **Рассылка печатной версии сборника не предусматривается: заочные участники получают pdf-версию по электронной почте после проведения конференции.**

ВНИМАНИЕ! Тезисы будут опубликованы только после подтверждения о принятии их к публикации оргкомитетом.

Условия участия в конференции

До **22 октября 2019 г.** в оргкомитет необходимо предоставить заявку на участие в конференции (см. Приложение 1) и материалы для публикации (тезисы) по адресу shipilovakv@mgpu.ru;

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы ДВУМЯ отдельными файлами в ОДНОМ письме (Петров_заявка, Петров_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию «Петров».

Предоставляемые материалы должны быть тщательно выверены авторами как содержательно, так и в части соблюдения технических требований (см. Приложение 1) к оформлению.

Ответственность за содержание и оформление текста несут авторы и их научные руководители.

Организационный комитет оставляет за собой право возврата материалов автора на доработку для достижения их полного соответствия техническим требованиям оформления.

Участие в конференции бесплатное!

Внимание!

ДОПОЛНИТЕЛЬНО! По решению программного комитета Международной научно-практической конференции «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ

КАРТИНА МИРА: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ» планируется издание сборника материалов конференции в виде научных статей. Сборник индексируется в РИНЦ.

Для публикации статьи в сборнике материалов конференции необходимо:

1) заполнить и прислать заявку (см. Приложение 2) на публикацию статьи, а также аннотацию к статье в оргкомитет до **01 ноября 2019 г.**;

2) прислать в оргкомитет научную статью до **15 декабря 2019 г.**

К публикации принимаются оригинальные исследовательские статьи (объемом до 40 000 знаков с учетом пробелов), ранее не опубликованные и не находящиеся на рассмотрении в других издательствах.

Предоставляемые материалы должны быть тщательно выверены авторами содержательно. Технические требования к оформлению научных статей см. в Приложении 3.

Ответственность за содержание и оформление текста несут авторы и их научные руководители.

Организационный комитет оставляет за собой право возврата материалов автора на доработку для достижения их полного соответствия теме конференции и техническим требованиям оформления.

Материалы для публикации (согласия, заявки, научные статьи) присылать на адрес shipilovakv@mgru.ru.

Публикация в сборнике научных статей бесплатная!

Тел. для справок: +7(963) 637-4828.

Контактное лицо: Шипилова Кристина Витальевна.

Приложение 1

Заявка на участие в конференции

«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА: КРОСС-КЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ»	
Фамилия Имя Отчество	
Для студентов, магистрантов и аспирантов: страна, город, вуз, факультет, направление подготовки, курс	
Для преподавателей и молодых ученых: страна, город, место работы, должность, ученая степень, ученое звание	
Почтовый адрес	
Телефон	
E-mail	
Название доклада с указанием секции	
Форма участия (очная - заочная)	

Требования к оформлению тезисов

- объем — 2-3 стр., шрифт Times New Roman, кегель — 14, абзац — 1,25, межстрочный интервал — 1,5;
- на первой строке — название тезисов (начертание полужирное, прописными буквами, выравнивание по центру);
- отступ — одна строка;
- на третьей строке — инициалы и фамилия автора, в скобках город (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на четвертой строке — название организации, которую представляет автор (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);
- на пятой строке — адрес электронной почты (начертание — полужирный курсив, выравнивание по правому краю);

- отступ — одна строка;
- на шестой строке — текст тезисов;
- иллюстративный материал выделяется *курсивом* без кавычек, анализируемые единицы в тексте — **полужирным** шрифтом;
- значение языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется ‘английскими’ кавычками: *joviality* ‘веселье’;
- оригинальные варианты терминов на иностранных языках указываются в скобках: специфика функций (*role specificity*), немецкий литературный язык (*Hochdeutsch*);
- ссылки на литературу оформляются согласно ГОСТу 7.0.5–2008: [Иванов, 1989, с. 215], [Иванов, 1989, с. 215; Петров, 2009, с. 105], [Там же. С. 215];
- список литературы приводится в конце текста по алфавиту и должен содержать лишь цитируемые в статье источники;
- просьба различать тире (—) и дефис (-).

Образец оформления тезисов

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

(пропуск строки)

В. И. Петров (Москва)

Московский городской педагогический университет

[*petrov@mail.ru*](mailto:petrov@mail.ru)

(пропуск строки)

Текст тезисов...

Список литературы

Приложение 2

**ЗАЯВКА НА ПУБЛИКАЦИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ
МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА: КРОСС-
КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ»**

Имя, отчество, фамилия (полностью)	
Город, страна	
Организация (полное название)	
Должность	
Ученая степень	
Ученое звание	
Домашний адрес с почтовым индексом	
Контактный телефон с кодом междугородней связи	
E-mail	
Название научной статьи	
Аннотация к научной статье	
На обработку и хранение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ согласен (-а):	_____ (подпись)

Требования к представлению статей

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.
2. Объем статьи (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации) до 40 000 знаков с пробелами.
3. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.
Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).
4. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);
5. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон.
6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя.

Технические требования к статье

Файл статьи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их

данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы курсивом или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100.

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются

отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xltx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именованы рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- при наличии идентификатор ORCID (подробнее тут: <http://orcid.org/>), eLibrary

- при наличии SPIN-код (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ / INFORMATION FOR AUTHORS

Информация для авторов

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

- 10.00.00 Филологические науки
- 19.00.00 Психологические науки

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков,

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;
— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором

заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст статьи и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100.

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными

файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlstx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуется рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- при наличии идентификатор ORCID (подробнее тут: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее тут: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация

1) **Информация о конфликте интересов.** Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

2) Необходимо указать источники финансирования научной работы.

3) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.

4) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ! Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях.

- Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.

- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.

- Наличие всех сопроводительных документов.

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мышкин

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,

129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

Москва, Россия

myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова

канд. психол. наук, заместитель директора,

Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,

129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4

Москва, Россия

kharlamovasg@mgpu.ru

**Специфика организации профориентации и профессиональной адаптации
лиц с выраженными психофизическими нарушениями в условиях
образовательной организации**

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

**Specificity of the organization of vocational guidance and
professional adaptation of persons with severe psychophysical
disorders in the conditions of the educational organization**

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к ограничению их социальных контактов, замкнутости семьи, обострению внутрисемейных конфликтов /.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».

Тираж 500 экз.

115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.

www.psycholinguistic.ru